Вирус Зоны. Кочевница

Автор:
Дмитрий Лазарев

Вирус Зоны. Кочевница

Дмитрий Владимирович Лазарев

Апокалипсис-СТВирус Зоны #1

Раньше это был город Владимир – жемчужина Золотого Кольца. Теперь это Зона. Здесь излучение Объектов превращает людей в безумных кровожадных убийц. Здесь фантомы, созданные на основе человеческих воспоминаний, несут смерть. Здесь жуткие Провалы порождают ночами всепожирающие Пятна. Здесь нельзя верить никому – ни лучшему другу, ни даже себе, – ведь человека предает собственное сознание. Здесь разумная, безжалостная и могущественная странствующая аномалия ищет способ превратить в Зону всю Землю. И тех, кто дерзнет встать на ее пути, можно пересчитать по пальцам. У них почти нет шансов. Разве что кто-то решится заплатить за спасение поистине страшную цену.

Дмитрий Лазарев

Вирус Зоны. Кочевница

Серия «Stalker» основана в 2013 году

© Д. Лазарев, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Пролог

Краснотайгинск.

Год метеоритного дождя

Сзади полыхнуло. Грохнул взрыв, и затрещала автоматная очередь. Затем полыхнуло еще раз, три одиночных выстрела, и все стихло. Мы с Мариной и Вадимом замерли и переглянулись. Несмотря на сумерки, бледность девушки была хорошо заметна. Я положил руку ей на локоть:

– Он жив, Марина, Даже не сомневайся. Миху так легко не убить!

Она только благодарно кивнула мне за попытку подбодрить, но не произнесла ни слова, напряженно вглядываясь в темноту коридора.

– Давайте уже двигаться, ребята! – предложил явно дергающийся Вадим. – Если Миха жив, он нас догонит, а если нет…

Я едва успел схватить Марину, готовую уже кинуться на Вадима с кулаками.

– Ах ты гад трусливый! – буквально выплюнула она. – Бросить его хочешь, да?! А если он там раненый лежит?!

Я постарался урезонить ее:

– Марина, успокойся! Сейчас схожу проверю. Только сделайте одолжение, не поубивайте друг друга, пока меня не будет!

Но в этот самый момент из черной пасти коридора вывалилась человеческая фигура. Грязная, закопченная и прихрамывающая. Узнать в ней Михаила Стрельцова было затруднительно, но Марина справилась с этой задачей раньше других и кинулась к нему:

– Миша, ты как? Ранен?

– Да нет, так, всего по мелочи – ушибы и ожоги. Жить буду. Но нам пора валить.

С этим никто спорить не стал, только я уже на ходу поинтересовался:

– Что там?

– Истребители.

– Много?

– Нам хватит, – хмуро усмехнулся он.

– А полыхало что? – спросил Вадим.

– С ними был один Измененный. Пирокинетик.

– Был?

– Надеюсь, что да. Кажется, последним выстрелом я его достал. Но гарантировать, что он сдох, не могу. Я поставил там растяжку, и если они полезут…

Договорить он не успел. Сзади грохнул взрыв, пол задрожал, а с потолка на нас посыпалась штукатурка.

– Ты обвалил коридор? – догадался Вадим.

– Ну да. Теперь по крайней мере с той стороны можно не опасаться погони.

– А мы как выбираться будем? – поинтересовался я.

На этот вопрос, как выяснилось, имелся ответ у Вадима.

– Идите за мной! Если я все правильно запомнил, из этих туннелей есть еще два выхода.

– Твое «если» очень вдохновляет, – для порядка проворчала Марина, понимая, однако, что все равно альтернативных вариантов нет.

Дальше мы следовали за Вадимом молча. Я всегда удивлялся его чутью и умению ориентироваться на незнакомой местности, будь то открытый воздух или помещение, словно у него внутри был встроенный компас вместе с навигатором. На самом деле план эвакуации видели мы все, но меня сейчас, после всех наших злоключений, под дулом автомата не заставить вспомнить, что там было. А Вадим, похоже, запомнил. Дважды мы останавливались на развилках. В первом случае для выбора направления нашему «Сусанину» хватило нескольких секунд, а во втором он думал почти полминуты, после чего решительно свернул в самый правый из трех коридоров.

Пройдя по коридору с десяток шагов, Вадим вдруг замер.

– Что такое? – на всякий случай тихо спросил я.

Шума чьих-то шагов или других подобных звуков слышно не было, и даже мое чутье на опасность, обострившееся за последнюю неделю невероятно, в данном случае молчало.

– Это ответвление. – Он кивнул на развилку впереди. – Его тут не должно быть, я точно помню.

– Ты уверен? – нахмурился Стрельцов. – Ты же на схему секунд двадцать смотрел, не больше.

– Мне этого достаточно! – огрызнулся Вадим. – Поперечного коридора на ней не было.

– Это Он, – ахнула Марина.

– Кто? – спросил я.

– Обломок. Его шутки.

– В каком смысле?

– Это уже не просто здание. Это Объект. Проклятый Обломок переделывает его под себя.

– Черт, Марина, ты хоть сама-то слышишь, как это звучит?! Как полный бред!

– Не больший бред, чем вчерашние обыватели, сегодня извергающие огонь или отрастившие себе когти и научившиеся плеваться ядом, – парировала она.

– Это не одно и то же! – уперся я. – Можно еще понять и принять это долбаное излучение, мутации, изменения сознания, но такие фокусы с пространством…

– А у нас сейчас военным-контрактникам лекции по аномальным явлениям, космическим телам и физике пространства читают? – с сарказмом спросила она. – Уж больно ты авторитетно обо всем рассуждаешь! Кто тут ученый, в конце концов?!

– Ты вирусолог.

– Не только. У меня широкая специализация. И вирусология – только одно из направлений. Обломок превратил этот несчастный город в территорию, враждебную людям. Кто может сказать, где лежит предел его возможностей?

– Ты еще скажи, что этот метеорит разумный!

– Не исключено, кстати.

После этих слов я только глаза закатил. Марину это, похоже, вывело из себя, и она уже готова была вспылить, когда вмешался Стрельцов:

– Так, все, прекратили научный диспут! Вы не забыли, что через пять часов от Краснотайгинска только пепел радиоактивный останется?! Нам выбираться отсюда надо поскорее, а не докапываться до причин происходящего! – Он повернулся к Вадиму. – Ну что, рискнем пойти дальше?

Тот пожал плечами.

– Я понятия не имею, что там. Если справедлива версия Марины, здание меняется, и, вполне возможно, схема уже неактуальна.

– Зашибись! – мрачно резюмировал Михаил. – Но это худший вариант, и, если исходить из него, проще лечь тут у стенки и тихо ждать смерти. Не знаю, как вам, а мне такое не подходит. Даже если здание меняется, сомневаюсь, что оно успело измениться до неузнаваемости. Надеюсь, что нужные нам коридоры еще сохранились. Предлагаю двигаться прямо, игнорируя «левое» ответвление.

– Я – за! – первым отреагировал я.

Вадим Низовцев снова пожал плечами (похоже, этот жест стал для него уже почти привычкой):

– Все остальные варианты заметно хуже. Так что согласен.

Марина колебалась дольше всех. Причем у меня даже сложилось ощущение, что думает она не столько о вариантах отхода, сколько о том, что Обломок близко, но до него не добраться. Инстинкт самосохранения боролся с научным любопытством. Впрочем, она не могла не понимать, что варианта «остаться» просто нет, и даже если она примет такое решение, ее просто скрутят и унесут на руках. Поэтому Марина только вздохнула и произнесла:

– Я с вами.

– В таком случае не будем терять времени.

Мы двинулись в следующем порядке: первым Вадим, за ним – Михаил, третьей Марина, ну а я – замыкающим… Много раз я потом прокручивал в памяти этот момент, пытаясь понять: можно ли было сделать что-то, чтобы предотвратить печальный итог, но не находил вариантов. Рок работал избирательно и со снайперской точностью.

Когда мы поравнялись с боковым ответвлением слева, которого не должно было существовать, услышали шум множества ног, но не увидели никого, так как коридор этот уже через несколько метров резко заворачивал назад, против направления нашего движения, почти под прямым углом. А вот по правую руку от нас это ответвление, наоборот, плавно загибалось вперед и вверх. Туннель же, по которому двигались мы, забирал влево, и оттуда, из-за поворота, тоже слышался шум.

В голове мелькнула и сразу исчезла паническая мысль «Обложили!». Секундой позже я сдернул с плеча автомат и направил его в левый коридор, предварительно опустившись на колено для большей устойчивости. Как выяснилось, это движение спасло мне жизнь. Я даже на спуск нажать не успел, как из-за поворота появилось двое Измененных. Ударили они почти одновременно, но по-разному. Один выдал струю пламени, которой обзавидовался бы мощный огнемет, а второй просто шарахнул чем-то невидимым. Мне повезло, и огонь лишь чуть опалил мои волосы, а вот Марина превратилась в живой факел. Но я это увидел уже в полете, очень коротком, впрочем, – до ближайшей стены, о которую меня и шарахнуло, вышибая дыхание. В глазах потемнело, и в этот момент затрещали автоматы Вадима и Михаила – похоже, спереди их тоже атаковали.

Измененные шли по коридору, уже не принимая меня в расчет как покойника, и очень зря – я нашел в себе силы катнуть им под ноги гранату. От взрыва у меня заложило уши, но это, к счастью, оказалось единственным ущербом – осколками не зацепило. Сквозь рассеивающийся дым виднелись приземистые силуэты истребителей, традиционно передвигающихся на полусогнутых. Я выпустил в их сторону короткую очередь и, с трудом поднявшись, рванул к остальным, стараясь не смотреть на догорающее тело уже переставшей кричать Марины.

Дальнейшее мне запомнилось смутно. Какой-то из кругов ада, мрачный и безумный. Мы отступали в единственно свободном правом направлении вновь возникшего коридора. Орали, отстреливались и почти волочили за собой рычащего от боли и ярости Михаила, все норовившего рвануть назад, где осталось тело Марины, которой уже никто не в силах был помочь. Горло саднило от криков, уши закладывало от автоматных очередей, глаза слезились от пороховых газов и сыплющейся штукатурки, руки сводило на оружии.

Краем глаза я заметил бледное как смерть лицо Вадима, прожженный воротник его камуфляжки и серо-зеленое пятно на шее – ядовитый плевок истребителей. Дело дрянь. От нашего подразделения, брошенного, как выяснилось, на убой в захваченный Измененными и мутантами Краснотайгинск, остались только рожки да ножки. Причем львиная доля потерь пришлась на плевки проклятых истребителей, против которых ни медики, ни присланные нам в помощь вирусологи так и не смогли подобрать противоядия. К счастью, плеваться ядом они умели не все и даже не каждый десятый. Только вожаки, у которых глаза имели особо яркую оранжевую пигментацию. Будь иначе, здесь, в туннелях, у нас против них не было бы ни единого шанса. А так пока нам удавалось уклоняться от плевков, но любое везение когда-то заканчивается. У Вадима вот уже закончилось – он обречен. Остаемся только мы с Михаилом. Двое. Из четырех батальонов.

Измененные больше не появлялись, но нам от этого было не легче: орда истребителей гнала нас по туннелю, не отставая и не давая передышки. Вадим с каждой минутой слабел. Еще немного – и его придется нести. На лице Михаила просматривались отчаяние и мрачная решимость. Подозреваю, подобное выражение было и у меня. И еще занозой в подсознании сидел один вопрос, время от времени оттуда высовываясь и внушая тревогу, пусть и небольшую, если сравнивать с вопросом выживания, но и не совсем пустячную: излучение Обломка превратило всех жителей города черт знает во что. А мы-то не многовато ли уже хапнули этого самого излучения? Пока изменений в себе я не

замечал, но это не значит, что их нет.

Через некоторое время нам повезло – коридор резко сузился, что несколько нивелировало численное преимущество истребителей. Швырнув в преследователей одну из немногих оставшихся гранат, мы буквально втащили в узкий проход уже с трудом двигающегося Вадима. Узкое место оказалось довольно коротким – всего метров десять, а затем проход снова расширялся. В этом месте Вадим разжал руки и, перестав опираться на мои плечи, рухнул на пол.

– Все, парни, промежуточный финиш! – прохрипел он. – Дальше без меня.

– Ты чего удумал?! – возмутился я. – Мы тебя не бросим!

– Значит, вы идиоты! – обозлился он. – Я все равно покойник! Может, у тебя, Олег, лежит в кармане противоядие? Нет? Тогда разговор окончен! Оставьте мне немного взрывчатки и валите! Если вам повезет, из этого коридора есть выход. Но со мной вам от них не уйти.

– Он прав, Олег, – деревянным голосом произнес Михаил, выпуская в узкий коридор короткую очередь. – Нет смысла погибать всем. По-моему, смертей и так предостаточно.

Головой-то я понимал, что они говорят разумные вещи, но вот так взять и бросить товарища, с которым столько пережили… Все внутри восставало против такого решения.

– У вас мало времени, – напомнил Вадим. – А у меня его еще меньше. Если свалите сейчас, оставив мне взрывчатку, я вам смогу хоть как-то помочь. А иначе просто сдохну без всякого толку!

Жизнь нас постоянно учит, стараясь донести материал то намеками, то палочными ударами. Моя всегда предпочитала второй вариант. Возможно, потому, что он доходчивее. Обращаясь взглядом в прошлое, я понимаю, что тот момент стал в моей жизни одним из первых поворотных, когда я научился задвигать мораль и общечеловеческие ценности на задний план в угоду достижению цели и здравому смыслу. Не скажу, что это однозначно плохо, да и кто, скажите, всегда в жизни поступал правильно? Если такие есть, могут с

чистой совестью увековечить себя в бронзе. Я не из их числа. Почти стопроцентно погибнуть, лишь бы иметь возможность перед смертью сказать, что не бросил одного все равно обреченного товарища? Глупо же! Красиво, но глупо.

Поэтому после пятисекундных колебаний я сдернул со спины вещмешок, выложил оттуда примерно половину взрывчатки, добавил детонатор с дистанционным управлением и положил на пол рядом с Вадимом. Потом молча пожал ему руку и, хлестнув по коридору еще одной очередью, побежал дальше. Вскоре за мной послышался топот и тяжелое дыхание Михаила. Мы бежали молча, размеренным темпом, отработанным марш-бросками еще во время срочки. О Вадиме я старался не думать. И о Марине. И о других погибших. И о готовящемся ядерном ударе. Вообще ни о чем, кроме того, как мне нужно, чтобы этот коридор вел наружу. И когда далеко позади что-то вспыхнуло и грохнул оглушительный взрыв, я, с трудом удержавшись от падения, только вжал голову в плечи и продолжал бежать, не оглядываясь. Вперед. Только вперед.

Глава 1

Муромская Зона.

Десятый год после метеоритного дождя

Проснулся я от тычка в бок.

– Не спи, замерзнешь!

Сидевший за рулем Антон Точилин выглядел напряженным.

– Где мы? – сонно поинтересовался я. – Уже Периметр?

– Нет пока. Только Колпь переехали.

– Какие-то проблемы?

– Пока нет, но, полагаю, будут.

– Патрули АПБР?

– Страшнее кошки зверя нет? – хмыкнул Точилин.

Ну, на самом деле для нас действительно нет. Агентство противодействия биологическому риску (сокращенно – АПБР) было создано через год после уничтожения Краснотайгинска, когда стало ясно, что ядерный удар и напалм проблему до конца не устранили. Многим Измененным удалось выбраться подземными туннелями. Они-то и организовали террористическую организацию Новый Мировой Порядок (НМП). Террористы, обладающие паранормальными способностями и ненавидящие человечество лютой ненавистью, уже и сами по себе достаточно серьезная угроза, но одновременно в Печоре «проснулся» второй Обломок метеорита, аналогичного Краснотайгинскому, и возникла Зона номер два. Естественно, власти не могли не отреагировать. Тогда и родилась новая структура, чьей задачей как раз и являлась борьба с Новыми (так стали называть Измененных из НМП) и блокировка Зон.

После Краснотайгинска я вышел в отставку, как и Миша Стрельцов. Когда формировалась АПБР, руководство вновь образованной службы не смогло, естественно, пройти мимо наших кандидатур как обладателей поистине уникального опыта. Вот только я тогда не хотел и слышать ни о чем, связанном с Зоной, а потому послал вербовщиков куда подальше. Но Миша решил иначе. Потеря Марины для него оказалась тяжелым ударом, и он увидел в новой работе шанс расквитаться с Измененными, а потому принял предложение, не задумываясь.

Ну а меня на эту стезю вернули обстоятельства. Сам я из Нижнего Новгорода, и долгое время после моего увольнения из армии все эти Зоны были для меня далекой туманной угрозой, пока беда не пришла в недалекий Муром. Началось все со спасательных операций – я и еще несколько отчаянных парней выводили людей из вновь образовавшейся Зоны. Потом кто-то из нашей группы (уж не помню точно кто) предложил организовать бизнес по платному возвращению ценностей, оставленных муромчанами во время спешного бегства из города. Дела пошли. Дальше – больше. На нас стали выходить искатели острых

ощущений, которым требовались опытные проводники для экстремальной экспедиции в Зону. Услуги наши стоили недешево, но мы отрабатывали каждую копейку. Естественно, все это приходилось проделывать втайне от властей, а особенно – от АПБР, ибо походы на территорию, облучаемую очередным Обломком, были строго запрещены. Это можно было понять – ведь нет гарантии, что отправившийся в Зону экстремал вернется оттуда таким же, каким и уходил. Но если оперативники и ученые АПБР, ходившие туда на законных основаниях, по возвращении проходили обязательный карантин, ни мы сами, независимые сталкеры, ни наши подопечные-«туристы» этой процедуре не подвергались, становясь, таким образом, фактором риска для «чистых» территорий. Вот так мы незаметно перевалили на ту сторону закона.

О своем стремлении любой ценой держаться подальше от Зоны я уже и не вспоминал. В конце концов, выживать там и способствовать выживанию других было тем, что я умел лучше всего. А время с момента увольнения из армии до начала сталкерской карьеры ознаменовалось для меня немалыми материальными проблемами – «мирная» жизнь явно не задалась. Конечно, постоянно ходить под дамокловым мечом ареста за свою незаконную деятельность – не фонтан, но материальная сторона перевешивала, и к тому же романтик в моей душе, успевший позабыть, а точнее – отправить глубоко в подсознание ужасы Краснотайгинска, просто тащился от этой рискованной и чертовски интересной работы…

Так было до тех пор, пока для нашего бизнеса не открылись новые перспективы, от которых у властей и АПБР волосы вставали дыбом на всех местах, а глаза наливались кровью. С тех пор независимые сталкеры стали для АПБР едва ли не врагами номер два после террористов НМП. Это к слову, насчет «страшнее кошки». Сегодня, например, я бы точно предпочел встретиться с толпой истребителей, чем с оперативной бригадой Агентства.

– Учитывая, что у нас в холодильнике, если попадемся, по двадцатке схватим, не напрягаясь, – проворчал я. – Терпеть не могу с этой дрянью связываться!

– Ты давай не каркай насчет «попадемся»! – хмуро отозвался Антон. – А насчет «этой дряни», все наши остальные операции – детские игрушки по сравнению с кровью Измененных. У нас в холодильнике – три года безбедной жизни для всех троих. Чистоплюйствовать и играть в сталкеров-романтиков, покорителей Зоны, можно, когда денег навалом. Или ты после отпуска со своей зазнобой (в который бы ты, кстати, не поехал, если бы не «эта дрянь») по-другому стал смотреть на

нашу профессию? Мы тут, знаешь ли, не песни у костра поем, а деньги зарабатываем!

– Классная речь, Антон! – Я несколько раз хлопнул в ладоши. – Долго репетировал?

– А не пошел бы ты? – Он был явно не в духе. – Я с тобой серьезно, между прочим!

– А если серьезно, ты знаешь, что я всегда был не в восторге от операций с кровью Измененных. Если даже забыть о наказании от властей, мы своим ремеслом можем способствовать появлению паранормов, не отягощенных моральными принципами и человеческими ценностями.

– Мы же продаем кровь вместе с антиновой, – подал голос с заднего сиденья доселе молчавший Григорий Ещенко.

– А это не гарантия! Что, если клиент введет себе вакцину слишком поздно, и процесс не остановится? Что, Антон, скажешь, не наша проблема? Появляющиеся по нашей вине трупы, о которых мы не знаем, не должны нас волновать?

– Я этого не говорил.

– Но подумал. На моих глазах Измененный-пирокинетик сжег заживо женщину, которую любил мой друг. Поэтому, уж прости, но я не могу реагировать на такие вещи безразлично.

– Тогда почему ты с нами?

– Будто ты не знаешь! – огрызнулся я. – После Краснотайгинска я не смог продолжать служить. А больше я ничего не умею. Был бы другой способ делать серьезные деньги на Зоне, я бы и близко не подошел к крови Измененных!

– Так, ребята, может, закончим споры? – В голосе Ещенко звучала уже нешуточная тревога. – Сейчас надо быть начеку!

– Да чего вы дергаетесь? – Я по-прежнему не понимал проблемы.

– Олег, ты вообще где живешь? На Марсе? – бросил на меня взгляд Точилин.

– На сникерсе! – огрызнулся я. Сна мне категорически не хватило, и рекомендуемая предельная длительность (РПД) пребывания в Зоне на сей раз была нами заметно превышена, из-за чего у меня разламывалась голова, а настроение колебалось посередине между хреновым и на редкость поганым. – Просто объяснить можешь, без выпендрежа?

– Я, конечно, понимаю, что ты только что из теплых краев, но изменения обстановки надо все же отслеживать – не на пикники ездим.

Расположение духа Точилина было, похоже, не лучше моего, так что не миновать бы перепалки, если бы Григорий Ещенко не поспешил разрядить обстановку, быстро заговорив:

– С тех пор как Зона рванула на расширение в сторону Владимира, тут – самое гнилое место. Если с нашими где и случается какая-нибудь лажа, то, как правило, здесь. Зона словно с ума сходит. И не она одна.

Я недоверчиво уставился на него:

– Только не говори мне, что ты всерьез воспринимаешь эти бредни про Черного Сталкера!

– И вовсе это не бредни! – слегка даже обиделся Ещенко.

– Ну, сталкерский фольклор, – пожал плечами я. – Как ни назови, смысл не поменяется.

– А то, что пси-активность в Зоне выросла на порядок, – тоже сталкерский фольклор? – бросил Точилин, даже не поворачиваясь в мою сторону. – А резко скакнувшая статистика смертности среди посещающих Зону? А случаи уехавших крыш?

– Это всегда было.

– Но не в таком количестве. – Ещенко выглядел спокойным как удав в отличие от явно нервничающего Антона. – Тут впору каждому пси-блокиратор с собой брать.

– Насколько я слышал, в АПБР опытной партией блокираторов очень недовольны, – скептически заметил я. Аргументация товарищей выглядела серьезной, и от этого настроение мое сделалось еще гаже. – Доверять свой мозг непроверенной электронной фиговине – увольте!

– Ну конечно, – сарказм Точилина можно было есть ложками, – лучше свихнуться и вышибить себе мозги! Или сначала нам, потом себе.

– Я подумаю над этим, Антон! – в тон ему пообещал я.

– Может, перестанете собачиться? – тоскливо спросил Ещенко. – Сами-то себя слышите? Мы же всегда готовы были друг за друга любому глотку перегрызть! А сейчас что случилось?

– Зона случилась! – процедил я, зажав пальцами виски, словно это могло унять бьющую словно молотками тупую боль.

– Вот именно! – со значением подтвердил Григорий. – Тут как раз прошла в сторону Владимира та странствующая аномалия. Пси-фон оставила взбаламученный, вот здесь всякая чертовщина и творится.

– Тогда тут должно быть полно научников из АПБР. – Мой мозг работал неохотно, словно каждая проходящая через него мысль причиняла дополнительную боль. Все-таки со своим трехнедельным отпуском в теплых краях я многое пропустил. Слишком многое. И в плане информации сейчас надо было наверстывать упущенное.

– Они сейчас в основном во Владимире, – ответил Ещенко. – Там еще хуже.

Я снова хмыкнул. Новость об экспедиции АПБР во Владимир навела меня на другие мысли, неприятные и тревожные: если Агнешка отправилась туда… Меня аж передернуло от внезапного озноба.

– Ты чего? – удивился Ещенко.

– Да так…

– Ясно, – пробормотал Григорий, – что ничего не ясно. Вот что, ребята, давайте-ка все эмоции в кулак, и едем дальше в полной боевой готовности. До Периметра осталось всего ничего. Надо продержаться. А если не ругаться не можете, тогда лучше молчите!

На языке у меня крутилась ядовитая фраза, что старший в группе вообще-то я, и командовать он взялся не по рангу, но мне удалось укротить свой эмоциональный порыв – ведь Григорий, по существу, был прав. В Зоне с самого начала существовали проблемы с пси-активностью, а потому люди, не обладающие высокой ментальной стойкостью, в сталкеры либо не шли, либо надолго не задерживались. Но даже среди нас попадались уникумы вроде Ещенко, у которых словно бронеколпак стоял на сознании. Поэтому из нас троих он держался лучше всех, а значит, в данной ситуации имел больше прав распоряжаться, чем я или Точилин. По крайней мере наверняка на его решения и действия не влияет пси-зараза Зоны.

Впрочем, мы тоже в свое время обучались у одного «лояльного» псионика ставить ментальный блок. «Лояльными» мы называем вакцинированных Измененных. Изобретенная научниками АПБР антинова, если ввести ее вовремя, блокирует прогрессирующие изменения сознания, и в результате получается вполне нормальный человек, но с паранормальными способностями. Только с «лояльными» есть одна проблема: антинову им раз в два месяца надо вводить, а иначе организм начинает пытаться бороться с насильственно внедряемыми изменениями, и в 90 случаях из 100 это приводит к смерти. Клиентов наших, которым мы кровь Измененных толкаем, этот нюанс тоже касается, о чем мы их добросовестно и предупреждаем. Только это мало кого останавливает.

Однако я отвлекся. Так вот, с тех пор как в Зоне повысилась пси-активность, нам, независимым сталкерам, которых в отличие от оперативников АПБР не опекает государство, понадобилось что-то этому противопоставить. Псионика нам удалось взять живым чуть ли не в самом Муроме, неподалеку от зонообразующего Объекта. Мы вкололи ему вакцину, которую, кстати, тоже приходится добывать левыми путями на черном рынке или через нечистых на руку сотрудников АПБР. Нам повезло – стаж изменения у этого типа оказался небольшим, и антинова превратила его в «лояльного». Вот он нас и стал натаскивать в различных пси-техниках в обмен на регулярные вакцинации. Так

вот, мы с Антоном хоть и не имели таких природных данных, как у Григория, но за счет усердия и четкого управления собственным сознанием были в этой дисциплине одними из лучших.

Я закрыл глаза и сконцентрировался, как учили, стараясь избавиться ото всех посторонних мыслей и воздвигая вокруг своего сознания глухой кокон с защитой, как у бомбоубежища. Получалось, прямо скажем, не здорово: в голову постоянно лезли мысли об Агнешке, от которых так легко не отмахнешься. Где она там, как? И не позвонишь, не спросишь: в Зоне сотовая связь практически не действует. Спутниковая тоже работает через пень-колоду. Впрочем, здесь, после броска Зоны на север, и с ней могли возникнуть проблемы. Да и нельзя сейчас звонить. Не в таком месте и не при таких обстоятельствах. Тут в любой момент черт знает что может произойти. Вот преодолеем Периметр, тогда…

Я на мгновение открыл глаза и бросил взгляд на Точилина. Его подбородок был словно из камня выточен, по щекам ходили желваки, челюсти сжаты, на лбу – испарина. Вот кому сейчас тяжелее всего: за рулем глаза для лучшей концентрации не закроешь. Выходит, Антон – наше слабое звено… И я тоже, если немедленно не прекращу фигней страдать и не поставлю ментальный блок. А то в голову уже такие мысли лезут, что…

– Твою мать!

Возглас Точилина и удар по тормозам застали меня врасплох. Ремень безопасности больно резанул плечо.

– Какого черта?!

Самообладания уже практически нет. Я весь – сплошной комок раздражения.

– Вы это видели?!

Точилин явно перевозбужден, он на грани истерики.

– Что?

– Черная человеческая фигура. Мелькнула перед самой машиной и исчезла.

– Черный Сталкер? – Я честно старался не закатывать глаза и не пускать в голос сарказм, но, видимо, получалось это у меня не лучше, чем концентрация.

– Думаешь, мне показалось?! – сразу вскипел Точилин.

– Остынь, Антон, – попытался было урезонить его Ещенко, но тот только плечом дернул, сбрасывая руку миротворца.

Я в этот момент словно сквозь джунгли продирался, заросшие гневом и отчаянием. Во мне боролись два желания – вышвырнуть Точилина из машины и забить его до смерти и вышибить себе мозги из собственного пистолета прямо здесь, на переднем сиденье нашего внедорожника. Однако каким-то образом я еще ухитрился проговорить:

– Парни, местами поменяйтесь! Григорий поведет.

– Да пошел ты! – в бешенстве бросил мне в лицо Точилин и ломанулся прочь из машины.

Именно ломанулся, едва не раскурочив водительскую дверь. Мое сердце словно сжала ледяная рука. Я понял – что-то сейчас произойдет, и тоже выбрался наружу. Почему же так резко выросла интенсивность пси-поля? Такого просто не должно быть! По всем законам Зоны, эта гадость должна была нарастать постепенно, выматывая наше сознание и беря его измором, то есть вести осаду, а не решительный штурм. Неужели за три недели, которые меня тут не было, в Муромской Зоне произошли столь радикальные перемены? Или…

Додумать эту мысль я не успел. Стоявший в трех метрах от меня Точилин, нервно рывшийся в карманах, чтобы извлечь оттуда пачку сигарет, наконец справился с этой задачей, но, вытащив ее, в бешенстве швырнул в пыль под ногами.

– Антон! – окликнул его тоже вышедший из машины Ещенко, но тот никак не среагировал.

Вернее, среагировал, но совсем не так, как от него ожидали: выхватил пистолет и направил на нас, переводя дуло с одного на другого, благо, сектор обстрела

тут требовался неширокий.

– Антон, не надо! – Голос Григория сделался мягким, увещевающим.

Было время, он работал переговорщиком. Со всякими типами дело имел, включая полных психов. Но тут у него не было шансов: мне вдруг с ужасающей ясностью открылось, что тот, кто стоял перед нами с пистолетом в руке, только выглядел как наш товарищ, а на самом деле и человеком-то уже не был. Мне показалось даже, что глаза его поменяли цвет, сделавшись из карих почти черными. Одновременно натиск на мое собственное сознание как-то ослабел, словно Зона решила, что хватит с нее и одного одержимого. Да-да, у меня почему-то возникли именно такие ассоциации с целящимся в меня Точилиным – словно не пси-атака Зоны свела его с ума, а некая враждебная сущность оккупировала его тело. При других обстоятельствах можно было бы посмеяться над подобными мыслями и объявить их полным бредом, вот только сейчас я сам себе казался персонажем старого американского сериала «Сверхъестественное», встретившимся лицом к лицу с демоном, и смеяться по этому поводу желания не возникало.

Каким-то невероятным образом страшное зрелище изменившегося Антона резко и вдруг вымело из головы все мешающие концентрации мысли. Говорят, что крайняя необходимость обостряет разум, и в эти секунды я готов был обеими руками подписаться под этим утверждением. То, что не получалось с закрытыми глазами и в сравнительно спокойной обстановке, тут, под дулом пистолета, вышло словно само собой. Нечто, воспринимавшееся как смутный шепот, нагоняющий ярость и смертную тоску одновременно, почти заглохло. Остался только страх, вполне естественный, если смотреть в черное отверстие дула и на лицо товарища с пустыми глазами и примороженной к нему кривой улыбкой.

Повисшую напряженную тишину нарушил голос Ещенко:

– Антон…

Больше он ничего произнести не успел: пистолет Точилина дернулся в его сторону и с громким хлопком изрыгнул свинец и пламя. Григорий упал молча. По груди его расплывалось кровавое пятно. Я даже дергаться не стал: расстояние между нами было таким, что, пока я его преодолею, Точилин меня десять раз застрелить успеет. Сомнений в его стрелковых навыках у меня не было. Только

тоскливое сожаление о не надетом бронежилете. Конечно, в Зоне особенно стрелять некому. Самые серьезные опасности здесь к числу живых существ не относятся, а те, что относятся, давно утратили разум, позволяющий использовать хоть что-то, кроме самого примитивного оружия. Если попадешься толпе истребителей, тебя просто на части разорвут, и никакой бронежилет не спасет. И от плевков их, кстати, тоже: это ж кислота, смешанная с ядом. Она что хочешь прожжет. М-да, знал бы, где упаду, соломки бы постелил. С бронежилетом можно было бы рискнуть: ведь чтобы из пистолета попасть в голову бегущему на тебя человеку, надо быть действительно крутым стрелком, а тело – куда более крупная мишень.

Вот поэтому я и стоял, не двигаясь и не произнося ни слова. Не делал ничего, что могло бы спровоцировать Точилина на выстрел. Жить хотелось. И очень. Интересно, чего он медлит? Хотел бы убить, убил бы сразу следом за Ещенко. Кстати, не факт, что тот мертв – пуля все-таки попала в правую часть груди. Но о нем подумаем после. Сейчас бы самому выжить. А для этого надо понять, что в голове у целящегося в меня безумца. Только как же его понять, если он молчит как рыба? И самому рот открывать боязно: один вон открыл уже. Когда речь идет об обычном человеке, его намерения в большинстве случаев можно прочитать по лицу, даже если у него хорошие навыки по самоконтролю. Так что так называемое покер фэйс – это для дилетантов. А со сталкером за эту игру лучше даже и не садиться – разденет до подштанников. Но данный случай явно был исключением. Вы когда-нибудь смотрели в глаза акулы? Ничего, кроме голодной пустоты, вы там не увидите. Вот и здесь в меня словно большая белая целилась, только в человеческом обличье.

Пока я пытался разгадать его намерения, Точилин вдруг просипел, словно ангинный больной:

– Пистолет… Дай мне твой пистолет!

Вот так… Пистолет. В единственном числе. Значит ли это, что он забыл о втором? Или, быть может, не знал?.. Бред, если это Антон. Знал он точно, как и я был в курсе насчет его пружинного ножа, прикрепленного к левой голени под штаниной, и его любимого «Глока» в наплечной кобуре. Столько раз сходив вместе в Зону, невозможно не узнать всех этих нюансов. А забыть Точилин тоже не мог, ибо для этого ему бы потребовалось заработать ретроградную амнезию или Альцгеймера… Ни тем, ни другим он не страдал, а на агрессивное безумие его поведение никак не походило. Тогда что?! Всплывающее в голове слово

«одержимость» я гнал прочь. Но другое объяснение просто не придумывалось.

– Я жду! – все так же медленно и хрипло, но уже с оттенком нетерпения поторопил Точилин, не сводя с меня мертвых глаз. – Пистолет!

Все еще недоумевая, я извлек из наплечной кобуры свой старый, но надежный «Грач» и бросил на землю, к его ногам. Продолжая держать меня под прицелом, он присел, подобрал оружие и спрятал в карман. Я не мог поверить! Ни слова о втором – лежащей в потайном кармане миниатюрной модернизированной «Грозе», будто это и вправду было лишь тело моего многолетнего напарника, занятое… кем? Черным Сталкером? С каждой минутой творившегося жуткого сюра эта мысль казалась все менее безумной.

Затем Точилин сделал еще шаг вперед и склонил в голову в сторону, глядя на меня, как порой смотрит немецкая овчарка, когда ее что-то заинтересует. Вот только глаза… Эти жуткие мертвые глаза никоим образом на собачьи не походили. Инстинктивно я привел свой ментальный щит, который во время повисшей паузы держал уже почти на чистом автомате, в полную боевую готовность. И вовремя, потому что в следующий момент на мое сознание обрушился страшный натиск. И это была уже явно не Зона. Она так не умеет. Только живое существо, обладающее пси-возможностями высшего порядка. Вроде Измененных-псиоников, только круче.

Голова разламывалась от боли, а барьеры, которые я воздвигал на пути чужой воли, стремившейся поработить мое сознание, рушились один за другим. Этому существу я был не ровня. Думаю, против него не устоял бы даже Ещенко со своими природными данными. И все же я боролся, чувствуя себя жалким эсминцем против линкора «Тирпиц». Однако эсминец мог уйти на полной скорости, а моя двигательная активность была почти полностью парализована. У меня с трудом хватало сил отводить взгляд от впивающихся в меня жутких глаз «Точилина», и только. Но даже этот мелкий факт, казалось, вывел из терпения сущность, контролирующую тело моего напарника. Одержимый резко приблизился и схватил меня за подбородок, разворачивая голову так, чтобы я смотрел ему в лицо. Я пытался сопротивляться, да куда там?! Хватка этих пальцев – словно слесарные тиски. Все, что я смог сделать, – это зажмуриться, сжимая веки изо всех сил.

– Смотреть на меня! – прохрипел одержимый яростно и усилил хватку.

Казалось, моя нижняя челюсть вот-вот хрустнет, будто стеклянная, в этих стальных пальцах. Не в силах более терпеть, я готов был уже открыть глаза, но тут грохнул выстрел, затем второй. Кто стрелял? Откуда? Все еще закрытые глаза не давали мне это определить, но по звуку вроде бы «Гюрза» Ещенко. Живой?! Глаза от изумления распахнулись сами, и первым, что я увидел, было искаженное болью лицо одержимого, поворачивающееся в сторону моего раненого товарища. Безумный ментальный натиск ослаб. Всего на считаные мгновения, но мне этого хватило, ибо мой измученный мозг не раз и не два представлял единственно возможный для спасения алгоритм действий. И теперь, когда парализующее действие чужой воли чуть отпустило мои скованные мышцы, рука сама нырнула в потайной карман за «Грозой», большой палец откинул рычажок предохранителя, кисть развернула дуло в сторону врага, и указательный нажал на спусковой крючок. Раз, другой, третий. Калибр 7,62 – это, конечно, не девятимиллиметровые патроны «Гюрзы» или «Грача», но при выстрелах в упор тоже весьма действенная штука. Пальцы одержимого на моей челюсти разжались, а три пули в живот чуть отбросили его и заставили согнуться.

Меня отпустило. Во всех смыслах – и физическом, и ментальном. Голова, правда, все еще разламывалась от дикой боли, а мышцы были сведены напряжением, но паралич исчез, и я просто ударил «Точилина» в челюсть резким, почти без замаха, апперкотом. Он рухнул на землю, а я отступил на шаг, наводя на него «Грозу» слегка трясущейся рукой. Но как же трудно заставить себя нажать на спуск! Именно сейчас, когда моей жизни не угрожает непосредственная опасность, а он корчится в агонии на земле с развороченным животом! Сейчас он – враг, но ведь сидит занозой в подсознании, что это Антон, с которым мы вместе не один пуд соли съели, и что его еще может отпустить чужая воля, и продолжится та жизнь, что была раньше. И что же мне сейчас одним выстрелом перечеркнуть все это? Все надежды и жизнь того, кого называл другом? С другой стороны, а какие еще варианты? Сесть в машину и уехать, оставив его здесь умирать? Именно умирать, поскольку с тремя пулями в животе и еще как минимум одной (от Ещенко) под лопаткой он в самое ближайшее время истечет кровью и покинет ряды живых, если ему, конечно, не оказать немедленную медицинскую помощь. Уехать, утешаясь подленькой мыслишкой, что я не выстрелил в него, беспомощного, валяющегося на земле? Хотя в общем-то избавить его от страданий было бы даже милосердно: вряд ли мне удастся довезти его живым до Периметра… Вернее, их обоих. Взгляд, брошенный на Ещенко, меня не порадовал: Григорий лежал неподвижно, откинув голову. Скорее всего спасшие мне жизнь два выстрела в Точилина истощили его последние силы.

Тут бы действовать, а не рефлексировать, а я все колебался. Безумно злился на себя, но решение принять не мог. И тут кто-то извне принял его за меня. «Точилин» вдруг поднял голову и, с огромным трудом ворочая языком, прохрипел:

– А ты сильный! Интересно! Оглянись!

Эта уловка стара как мир, но до сих пор иногда работает. Впрочем, надо отдать мне должное: я сперва убедился, что пистолет лежит далеко от «Точилина», после чего обернулся. И похолодел: в нескольких метрах от меня стояла сотканная из непроглядного мрака фигура, напоминающая человеческую. В первые секунды возникли сразу две мысли. Первая – что передо мной Черный Сталкер, а вторая – что крыша у меня от ментального натиска Зоны все-таки поехала. Но пока разум метался между двумя этими гипотезами, инстинкты сработали: я вскинул пистолет, направил на черную фигуру и почти успел нажать на спуск. Почти… Потому что за долю секунды до этого меня всего скрутило так, будто судорога свела каждую мышцу в моем теле, и я, то воя, то рыча от боли, упал сначала на колени, потом на бок.

А секундой позже меня накрыла новая ментальная волна, которая заставила вмиг забыть о боли физической – настолько силен был натиск на мое сознание, будто перфоратором кто мозг долбил. Остатки ментальных сил я бросил на оборону, но куда там?! Тут уже не «Тирпицем», тут Звездой Смерти пахло. Меня вскрывали, как консервную банку, а помогать мне было уже некому. Ещенко отключился, если вообще жив. До Периметра еще километров десять, не меньше. Отчаяние заполнило меня целиком. Скоро уже из ушей польется. Перед глазами возникло лицо Агнешки. Округлое, чуть курносое, улыбчивое, с пухлыми губами и ямочкой на подбородке, обрамленное пышными вьющимися каштановыми волосами. И глаза ее, глубокие, голубые, под бровями вразлет, напоминающими крылья чайки. Возник ее образ, как последняя надежда, барьер на пути чужой воли. А позади нее творился форменный хаос, будто ураган какую-то свалку разметал. В общем, галлюцинации в моем рушащемся сознании возникали качественные, любой псих позавидует.

И тут произошло еще кое-что. Силясь раздавить меня, атакующая враждебная сущность чуть раскрылась ментально. И в голове моей возникли образы, которые я уж никак не ожидал увидеть. Катакомбы, автоматные очереди, истребители… Дико вопящая от невыразимой боли женщина, охваченная огнем… Я, бессильно

сползающий по стене, а потом из последних сил кидающий в коридор гранату… Искаженное от боли лицо Михаила, его сведенные отчаянными усилиями руки, и палец, исступленно давящий на спуск… Мы с Михаилом, по очереди подпирающие плечами того, чьими глазами я смотрю… Я, возмущенно восклицающий: «Мы тебя не бросим!..» Волна истребителей, захлестывающая коридор, затем ослепительная вспышка и грохот взрыва… События знакомые, но воспоминания эти – не мои, иначе в них я не видел бы себя со стороны… Тогда чьи? Того, с кем я в ментальной схватке вступил в столь тесное соприкосновение разумов?! Вадим?!

И тут все резко прекратилось. То есть не все, но болевая атака на тело и натиск на сознание исчезли. Перед глазами все та же безумная круговерть образов, но в остальном было только ощущение, что некто могучий и жутковатый рассматривает меня сейчас словно необычного жука под микроскопом, решая, что со мной сделать: раздавить, насадить на иголку и подсушить для коллекции или пока отпустить и понаблюдать, что я стану делать дальше. Судя по всему, выбор пал на последний вариант, потому что вскоре погасла и круговерть.

Зрение вернулось ко мне через несколько секунд. Черной фигуры не было и в помине. Куда и как исчезло это создание или, быть может, сложнонаведенная галлюцинация, я не знал и знать не хотел. Являлось ли оно отчасти Вадимом, или было создано на основе его сознания? Какая теперь разница, раз оно пыталось сломать мой разум? Может, кстати, оно потому и остановилось, не доведя дело до конца, что контакт со мной пробудил те воспоминания, что принадлежали Вадиму-человеку, а не фантому-убийце… Впрочем, время анализировать произошедшее придет потом.

Я попытался повернуться, чтобы выяснить участь моих напарников, и едва не заорал от боли. Ощущения были такие, будто все тело пропустили через камнедробилку, а мозг через мясорубку. Болело абсолютно все, и болело неимоверно. Сил не осталось, словно их из меня здоровенным пылесосом высосали.

Но я не мог себе позволить роскоши быть беспомощным. Не тот момент и не то место. Если Антон Точилин по-прежнему жив и безумен… С огромным трудом, преодолевая отчаянное сопротивление моих бастующих мускулов, я перекатился, дотянулся до «Грозы», которую уронил во время второй пси-атаки, и приподнялся, повернув голову в ту сторону, где лежал Точилин. Он так там и остался. Но уже не двигался. Широко раскрытые невидящие глаза смотрели в

пространство, а под ним расплывалась большая лужа крови. То ли контролировавшая его сущность утратила интерес к сломанной марионетке, то ли тело Антона не выдержало многочисленных ран.

Бедняга… На моих глазах даже слезы выступили. Да, он ранил Григория и напал на меня, но это все же был не совсем Антон. Я не мог винить его в этом, не мог ненавидеть хотя бы потому, что помнил, сколько раз мы с Антоном Точилиным спасали друг другу жизнь. Да, сложилось так, что мне пришлось его убить, и за это мысленно я просил у своего друга прощения. Хорошо еще, что он был одинок, и мне не придется смотреть в убитые горем глаза его вдовы и детей… А вот у Григория семья есть, и его, надеюсь, спасти еще можно. Господи, сделай так, чтобы он еще жил! Никогда не был особо верующим, но в этот момент готов был им стать, если только…

Встать на ноги стало для меня поступком сродни подвигу. Мое тело матерным языком сильной боли доходчиво дало понять, что долго такое издевательство над собой терпеть не станет. Но либеральничать с ним я не собирался. Будет, будет еще время для отдыха и лечения, а сейчас на повестке дня Григорий. Прихватив по дороге из машины аптечку, я кое-как доковылял до своего лежащего навзничь товарища. Он тоже не двигался, и я, охваченный внезапным страхом, рухнул рядом с ним на колени, уже не обращая внимания на боль, и прижал ухо к его груди. Биение сердца улавливалось слабое, но стабильное. Охваченный невыразимым облегчением, я извлек из аптечки бинт и занялся перевязкой. Пуля попала в правую часть груди и застряла где-то внутри. Может, оно и хорошо – хоть крови меньше потерял. А значит, есть шанс довезти его до Периметра живым. К счастью, Ещенко не отличался особо крупным телосложением, и мне удалось, несмотря на собственное весьма плачевное состояние, перевязать его достаточно быстро и качественно. А вот чтобы перенести его и максимально удобно устроить на заднем сиденье внедорожника, мне пришлось сработать на пределе своих возможностей.

Уложив его и пристегнув для верности двумя ремнями, я обессиленно прислонился к машине, пытаясь унять бешеное сердцебиение и успокоить дыхание. Ноги дрожали от противной слабости, к горлу поднималась тошнота, и я невольно порадовался, что не ел уже больше восьми часов. Ну и голова, естественно, вела себя как чужая – тормозила с реакцией, плохо соображала и отчаянно болела.

Однако времени на собственную реанимацию у меня не было. Я сделал над собой очередное усилие, добрался до Точилина и мысленно попросил у него прощения, что оставляю его непохороненным – жизнь лежащего в машине Григория была важнее. Коротко поклонившись телу напарника, я собрал оружие (точилинское и свое) и только после этого наконец сел за руль и тронулся с места.

Честно говоря, мне весьма смутно запомнились эти десять километров. Я не гнал, вел осторожно, потому что дороги в Зоне были основательно разбиты, и на здоровье Григория все кочки и ухабы могли сказаться самым пагубным образом. Да и мое состояние было таким, что врагу не пожелаешь. Боль в голове все усиливалась, хотя мне казалось, что дальше уже некуда. Я чувствовал себя почти как зомби, с трудом воспринимая окружающую действительность и балансируя на грани потери сознания.

Везение мое закончилось буквально на флажке. Не в том я был состоянии, чтобы вовремя замечать возникающие угрозы и успевать на них реагировать, а потому вылетевший из-за небольшой рощицы патрульный внедорожник АПБР заметил слишком поздно. Опять-таки будь я в хорошей форме, можно было бы попытаться с ними погоняться, но сейчас, да еще с раненым на заднем сиденье, – безнадега точка ру… А то, что лежало в багажнике в сумке-холодильнике, вроде бы давало стимул попытаться спастись хотя бы самому, но ведь все равно не уйду: реакции мои в данный момент ниже плинтуса, а потому Шумахера из меня не выйдет…

Так что, когда патруль АПБР решительно рванул наперерез, я не стал даже пытаться удирать, а напротив – остановился, открыл водительскую дверцу и вылез с поднятыми руками… Удивительно еще, что не брякнулся ничком в пыль в таком-то состоянии. Апэбээровцы затормозили в трех метрах передо мной и, выскочив, сразу профессионально взяли на прицел как меня, так и машину.

– Вы задержаны, – начал чеканить один из них, похоже, главный, – по обвинению в незаконном проникновении…

– На заднем сиденье тяжело раненный! – перебил я.

Последним, что я увидел, были резко напрягшиеся и наполнившиеся тревогой лица оперативников АПБР, а потом темный поток беспамятства захлестнул слабо

тлеющий огонек моего сознания.

Глава 2

Неведомо где

Серое и мрачное небо. Даже золоченые купола храма и шпиль колокольни с крестом выглядят как-то тускло и уныло. Местность я не узнаю. Как сюда попал – тоже не помню. Странно и жутко… Наш отряд медленно отступает по парку к храму, огрызаясь короткими автоматными очередями, срезая движущихся на полусогнутых истребителей. Их перемещение кажется неуклюжим, но мне-то хорошо известно, какую скорость они способны развить.

И не только. Есть еще твари, подобные вон тому высокому субъекту с темными волосами и ярко-оранжевыми радужками глаз. Нет, вообще-то подобную пигментацию имеют все истребители, но такой пламенный оттенок свидетельствует об особой опасности особи. Да, так и есть, вот он на мгновение замирает и от души плюет желто-зеленой жидкостью. Рекордсмены Книги Гиннесса по плевкам в длину по сравнению с вожаками истребителей – сущие дети! Пять метров для этих тварей – не расстояние. К счастью, тут они нарвались на опытный народ. Я вижу, как солдат в камуфляжке с АКСУ в правой руке и полицейским щитом в левой успевает этим щитом прикрыть от плевка высокого седоволосого мужчину, одетого, как и все, в камуфляж, но выглядевшего скорее научным работником, чем солдатом. АКСУ изрыгает короткую очередь в сторону плюнувшего, но тот успевает скрыться за спинами обычных особей, и пули его не достают.

Истребители… Когда-то все они были людьми, а теперь стали кровожадными убийцами, из которых лишь некоторые сохранили остатки разума – огненноглазые вожаки. Зона влияет на все – психическое состояние и физический облик. Механизм подобных изменений до конца не установлен. Я слышал, научный отдел АПБР занимается в том числе и этим, но пока высказываются только гипотезы об излучении Обломков и созданных ими Объектов. Невидимые лучи – как радиация, только действуют быстрее, и эффект проявляется более заметно.

Тварей много, и они, похоже, твердо намерены нами пообедать. А может быть, поужинать или позавтракать? Черт разберет это хмурое небо – утро, день или вечер на дворе, не поймешь! Вот один истребитель подбирается ко мне достаточно близко, и я работаю на рефлексах – вскидываю автомат и стреляю. Очень короткой очередью: ему, чтобы сдохнуть, хватит, а патроны экономятся.

Идущий рядом щуплый очкарик с ан-детектором в руке говорит мне что-то, но я не разбираю слов из-за грохочущих автоматов и переспрашиваю.

– Аномалия, говорю, на месте памятника Святителям. Его не видно, заметил?

На всякий случай киваю, хотя понятия не имею, о чем он говорит. Какая аномалия? Какой памятник? Где я вообще?!

Глаза мои, видимо, отражают определенную долю непонимания, но он толкует мой взгляд по-своему и отвечает на возникший, по его мнению, в моей голове конкретный вопрос:

– Не ТА аномалия, хотя место для нее вроде бы подходящее. Обычный Провал.

Так, становится немного яснее. С Провалами мне сталкиваться уже приходилось, правда, нечасто, поскольку появились они совсем недавно. И «обычными» я бы их не назвал. Провалы – одни из немногих малых аномалий, которые не просто создают особые условия вокруг себя, но и меняют захваченную ими часть пространства, превращая его в некую бездонную дыру. А может, и не бездонную, я не проверял и как-то не горю желанием это сделать. Провалы – на редкость опасная штука. Днем они притягивают истребителей, а ночами из них такое лезет… Впрочем, очкарик, судя по всему, – научник из АПБР, и для него Провал вполне может быть уже достаточно заурядным явлением, хотя подобные ему специалисты обычно изучают их дистанционно и крайне редко лезут на передовую. Тут, видимо, что-то заставило. А страха в глазах не заметно. Только любопытство. Типаж безбашенного ученого? Может быть, однако в любом случае очкарику респект! Нет ничего хуже, чем защищать истерящих от паники гражданских. Итак, очень похоже, что это – экспедиция АПБР, а я в охране. Хотя застрелите меня, если я помню, как здесь оказался!

Твари отстают, когда до храма остается немногим более пятидесяти метров. Их потери довольно велики, а у нас только двое раненых – один из охраны и один научник. Мне наконец удается спокойно оглядеться, и сердце екает: среди сотрудников АПБР мелькает что-то знакомое – фигура, прическа (волнистые каштановые локоны, забранные в хвост, по-походному). Неужели?! Повернись же, ну! Девушка так и делает, словно слышит, и от взгляда ее глубоких, как Байкал, голубых глаз душа привычно замирает. Агнешка! Она не видит меня, смотрит будто сквозь, явно чем-то обеспокоена. Хочется поднять руку и помахать ей, но рядом раздается хмыканье. Очкарик на сей раз удивительно некстати. И смотрит он туда же, куда и я, а потом бросает на меня сочувствующий взгляд.

– Что, брат, нравится, да? Губа у тебя не дура, только лучше забудь ее.

– Почему? – хрипло спрашиваю я.

– Занята она. По слухам, жених у нее крутой. – Он понижает голос, чтобы его слышал только я. – Говорят, из независимых сталкеров. В Муромской Зоне работает. Олегом зовут, кажется.

Вот ни фига себе заявочки! А я тогда кто? Адмирал Иван Федорович Крузенштерн?! Зеркала нет, и посмотреть мне некуда. Но пока я пытаюсь сообразить, что за фигня творится…

– Что за ерунда?! – восклицает очкарик.

Я смотрю на него, а он – на свои часы, явно совмещенные с каким-то хитрым научным прибором.

– В чем дело? – интересуюсь я.

– Пси-детектор зашкаливает. Ни с того ни с сего…

Мне становится холодно. Не целиком, а только спине, по которой пробегает волна озноба. Жуткая догадка заставляет лихорадочно оглядеться по сторонам… Так и есть! Вон там, в глубине парка, в направлении Провала, от которого мы только что с боем отступали, стоит черная человеческая фигура.

Твою же мать! Поворачиваюсь к остальным, чтобы выкрикнуть предупреждение, и спотыкаюсь глазами о замершее, будто мертвое лицо очкарика с остановившимися пустыми глазами. А в руках у него пистолет. Он подносит его к подбородку и нажимает спуск. Выстрел в тишине кажется оглушительным, а мне в лицо брызгает темным и теплым…

Рывок! И реальность принимает меня в свои не слишком-то ласковые, заполненные болью объятия. Я полусижу, опираясь на локти, на пружинной койке. Сердце колотится как бешеное, а на лбу холодный пот. И что это было: сон, бред? И где я сейчас, черт побери?!

* * *

Карантин АПБР

Карантин АПБР – довольно неприятное и тоскливое место. Мне приходилось пару раз бывать в нем по возвращении из-за Периметра: однажды меня неофициально привлекли к спасательной операции, а второй раз заловили, когда я водил в Зону «туристов». Тогда удалось обойтись условным сроком. Сейчас на это надеяться не приходилось. Заняться в карантине решительно нечем. Средств связи нет – ни позвонить, ни выйти в сеть. Посетителей, естественно, тоже никаких, до тех пор, пока не станет ясно, что я не притащил из Зоны никакую заразу. Только врачи, иголки, лекарства и пробирки с кровью. Много пробирок с кровью. Короче, прав меньше, чем у заключенных. И сей процесс может тянуться неделями. А в данном случае дополнительно «вдохновляло» то, что после всех тестов мной плотно займется служба безопасности АПБР, и вот уж они с меня с живого не слезут.

Первичные показания по нашему делу я дал через сутки после того, как пришел в себя. Лично полковнику Одинцову, куратору Московского сектора АПБР. Естественно, по телефону, который унесли сразу же после того, как завершился наш разговор. Умолять бесполезно: персоналу карантина дано строжайшее указание – никаких телефонных разговоров, кроме специально санкционированных по защищенному каналу. Кроме того, я не просто пациент карантина с неподтвержденным статусом безопасности для окружающих, а еще и преступник, обвиняемый в особо тяжком… Им, строго говоря, и общаться-то со мной запрещалось, так что нечего было и рассчитывать на получение хоть

какой-нибудь информации.

На самом деле именно это и было в моем положении самым мучительным: неизвестность и невозможность самому предпринять какие-нибудь действия, чтобы ее развеять. Я мог лишь предполагать, что Агнешка отправилась с экспедицией АПБР в новообразованную Владимирскую Зону – на это недвусмысленно намекали мои сны, повторявшиеся с удручающей регулярностью. Причем, судя по ним, у экспедиции там возникли нешуточные проблемы.

Быть может, глупо строить замок своих умозаключений на столь шатком фундаменте, как сны, но я отчего-то был уверен, что это не просто кошмары. Правда, на чем зиждется эта моя уверенность, я тоже не мог себе внятно объяснить. Что-то во мне весьма серьезно изменилось после этого визита в Зону. Нет, я не сошел с ума и даже не подвинулся, хотя поначалу такие предположения у меня тоже возникали. Изменения были более глубокими и, я бы сказал, качественными. Вряд ли это вызванные Зоной мутации – перед походом я вколол себе антинову, а РПД я превысил всего на несколько часов. Тогда что? Я начал видеть и слышать то, что не в состоянии видеть и слышать другие? Да, если только это не остаточные галлюцинации после двойной пси-атаки, которую я чудом пережил. Скорее всего из-за нее меня тут так долго и мурыжат. В противном случае мной бы уже давно занимались дознаватели, а то и суд: чего там рассусоливать, когда в машине нашли пробирки с кровью Измененных?! Улики убойные и неопровержимые, позволяющие отправить меня почти напрямую из Зоны аномальной в зону строгого режима.

К тому же был еще один вопрос, который не шел у меня из головы: почему Черный Сталкер, или с кем мы там повстречались, оставил меня в живых? Теперь времени поразмышлять на эту тему у меня было с избытком, но без фактов все эти размышления – в пользу бедных. Погибший в Краснотайгинске Вадим Низовцев переродился в качестве фантома-убийцы с могучей психосилой? А наткнувшись на меня и принявшись взламывать мое сознание, он пробудил в себе старые воспоминания, которые, собственно, и не позволили ему довести дело до конца? Случайно ли пересеклись наши пути, или его отправили персонально за мной? А если второе, то кто отправил? Или что? Мозги свихнешь!

А еще я не знал, удалось ли выкарабкаться Григорию, но очень надеялся, что да. Потеря одного друга и так уже стала для меня тяжелым ударом. Потерять тут же еще и второго – это нокаут. И подниматься после такого можно долго. Между

тем относительно участи Ещенко меня тоже держали в неведении. Садисты чертовы! Именно здесь, в карантине, из-за вынужденного безделья и отсутствия всякой информации о близких и дорогих тебе людях можно возненавидеть в себе человека за невозможность не думать, не тревожиться, не домысливать и не наращивать свои страхи, которые час за часом, день за днем изнуряют тебя до последней степени. И спасения от них нет ни днем, ни ночью. Сон тоже не приносил облегчения, каждый раз вываливая на меня очередную порцию кошмаров с Агнешкой в главной роли. Если верить моим снам, то от экспедиции АПБР постепенно оставалось все меньше и меньше. Смерти Агнешки я пока не видел, но утешало это слабо. Время идет, а я торчу здесь, не имея возможности хоть как-то помочь моей девушке, оказавшейся в опасности. Более того – я отсюда и не выйду. По крайней мере на свободу. И как минимум в течение двадцати лет…

Когда дверь моей палаты-камеры вдруг открылась, я аж вздрогнул от неожиданности. Дело в том, что врачи с уколами и тестами приходили ко мне строго по расписанию, а доставка еды осуществлялась через специальный мини-лифт в углу. Информация о времени была единственной, которую я мог получать, благодаря висевшим над дверью палаты электронным часам. В данный момент они показывали 17:30. В это время ко мне никто не должен приходить.

Вошедший был в белом халате, который сидел на нем так, что не оставалось сомнений – носить его визитер не привык. И то хлеб – хоть что-то сдвинулось с мертвой точки. Сейчас мне начнут задавать вопросы, а потом (как знать?), может, и премируют ответами на парочку моих. Посетителя я не знал, но лицо его выдавало волевого и властного человека, привыкшего отдавать приказы и обладающего определенными полномочиями. Интересно… Похоже, меня удостоила вниманием если не важная шишка, то уж точно не рядовой дознаватель. Не крутовато ли для допроса простого сталкера, пусть даже и совершившего тяжкое преступление? Впрочем, тут-то все как раз прояснится в самое ближайшее время. Приличия ради я поднялся навстречу ему.

– Здравствуйте, господин Катаев, – ровным голосом произнес незнакомец, не сделав попытки протянуть руку для пожатия. Оно и понятно – с чего бы апэбээровскому чину ручкаться с преступником?

– Добрый вечер, – нейтрально отозвался я. – С кем я говорю?

– Одинцов Сергей Николаевич, куратор Московского сектора АПБР.

Ого! А я был прав – передо мной величина, причем весьма приличного уровня.

– Какая честь! – произнес я медленно, пряча напряжение за иронией. – И чем я только заслужил?

– Зря иронизируете, – не моргнув глазом ответил он. – И насчет «заслужили» не извольте сомневаться. Операцию в Миленках помните?

Еще бы я не помнил! Это было семь лет назад. Единственный раз, когда мне пришлось поработать в одной упряжке с официальными структурами. Проводилась масштабная спасательная операция, а основные силы АПБР были прикованы к Печорской Зоне, которую тогда пытались «закрыть», и нужны были все опытные люди… С тех пор мы с АПБР были только по разные стороны баррикад. Но меня, как видно, запомнили, к счастью.

– Разумеется.

– Не будь ее, вы бы сейчас общались с дознавателями. Впрочем, следствие было бы коротким. Вы сами понимаете, в каком плачевном положении находитесь.

Конечно, я понимал. Равно как и то, что разговоры эти – не по доброте душевной и не просто в память о моих былых заслугах, и АПБР от меня что-то нужно. Очень нужно, раз пришел сам куратор Московского сектора. Кстати, пришел без всяких средств защиты, если не считать черной бусины пси-блокиратора за мочкой правого уха. Хороший знак!

Поймав мой взгляд, куратор улыбнулся:

– Верные выводы делаете: тесты показали, что биологической угрозы от вас не исходит. Но вот с вашим сознанием все не так просто. Не скрою, у меня есть к вам дело, которое, если вы согласитесь сотрудничать, поможет существенно смягчить вашу незавидную участь. Но говорить с вами о нем я смогу, только когда будет ясно, что пси-атаки созданий Зоны не изменили ваше сознание и оно не контролируется кем-то извне.

– А когда это будет ясно?

– Завтра. Мы проведем последнюю серию тестов, а потом вас навестит еще один специалист.

– Кто, если не секрет?

– Наш штатный экстрасенс. Класса «позитив».

– Ого!

– Его уровень таков, что проведенному им психотестированию мы сможем доверять практически безоговорочно. Скрыть от него вам ничего не удастся. Он выявит даже то, о чем вы сами можете не подозревать.

– Что же, я готов. Мне скрывать нечего – все самое плохое обо мне вы уже знаете.

Одинцов слегка усмехнулся:

– Ну-ну… Впрочем, ваша готовность сотрудничать внушает оптимизм.

– А можно вопрос?

– Все вопросы после вашей встречи с «позитивом»… если мы придем к соглашению.

– Хотя бы скажите, Григорий, мой напарник, жив?

Куратор слегка поколебался, потом нехотя ответил:

– Да, жив, но пока без сознания. Это все, что я могу вам сказать, – резко предупредил Одинцов мои дальнейшие расспросы. – Надеюсь, завтра ситуация изменится. До встречи, господин Катаев!

Он ушел, и впервые за все время пребывания в карантине я был рад остаться один – мне было о чем подумать.

Глава 3

Неведомо где

Серое и мрачное небо. Опять. Впрочем, в Зоне почти всегда плохая погода – солнце появляется только по большим праздникам. Но где я? Во Владимире? Наверное. Никогда не был в этом городе. Даже на фотографиях его не видел. Как все мрачно! Будто мы в Мордоре находимся. Впрочем, в какой-то степени так оно, наверное, и есть. В Зоне людям не место. Тут правят иные силы. Чужие, враждебные, смертоносные. Мы идем по улице, узковатой, если по московским меркам, но по местным, наверное, весьма приличной. Совершенно вымершей, хотя раньше, пока сюда не пришла Зона, она, похоже, была одной из центральных транспортных артерий города. Шумной, заполненной машинами и прохожими. Теперь прохожих, кроме нас, нет. Машины стоят кое-где, конечно. По одной, по две. Слой пыли, покрывающий их со всех сторон, включая лобовые стекла, однозначно свидетельствует о том, что они оставлены своими владельцами, и это произошло явно не вчера.

Справа возвышается старинная белокаменная крепостная стена. Монастырь или кремль – я слышал, в те далекие года они на Руси выглядели примерно одинаково. Тихо. Так и хочется сказать «слишком тихо», хотя для Зоны это обычное явление. Нарушает тишину лишь шорох наших шагов. У меня дурное предчувствие. И судя по всему, не у меня одного: некоторые из моих спутников нервно озираются и ежатся. Причиной этому что угодно, только не холод – на улице тепло, по ощущениям, больше плюс двадцати.

Я иду в арьергарде. Окидываю отряд взглядом, параллельно ищу Агнешку. С тревогой отмечаю, что численность нашей команды существенно сократилась, но с облегчением обнаруживаю свою зазнобу в головной группе. Жива! И судя по походке, даже не ранена. Тревога, однако, не уходит, а нарастает. Я чую опасность, но только сам факт, никакой конкретики: ни как, ни откуда, ни в какой момент…

– Здесь! – резко произносит кто-то из середины отряда, и все останавливаются.

– В монастыре? – подает голос седоватый крепкий мужчина лет пятидесяти с хвостиком, по виду явно научник, а не солдат.

Глава экспедиции? Возможно. Есть у меня одна смелая догадка по поводу того, почему здесь пасует моя память (опять-таки если это не обычные сны и не бред). По-видимому, я здесь – не совсем я. Когда сюда попадаю, очевидно, оказываюсь в чьем-то теле. Непонятно, в чьем. И, естественно, не знаю и не помню ничего, кроме тех кратких эпизодов, которые фигурируют в моих снах-видениях…

– Да, в монастыре. Где-то в глубине, у Рождественского собора.

– Но что именно? – Глава экспедиции явно напряжен. – Она?

– Она там точно была. Но осталась ли сейчас, или…

– Или оставила вместо себя Провал, – это уже Агнешка заканчивает фразу.

Седоватый дергает плечом.

– Отсюда нам это все равно не определить. Заходим.

– Она играет с нами, – вмешивается в разговор здоровенный темноволосый мужик из головной группы. Видимо, начальник охраны. Что-то в его облике и голосе есть смутно знакомое, но пока неясно, что и откуда. – Эта долбаная кочующая аномалия знает, что мы идем по ее следам, и «минирует» дорогу за собой Провалами. Мы ведь уже дважды нарывались и потеряли треть отряда. Вам мало? Потеряете половину – гарантирую, как Росгосстрах!

Точно! Вспомнил по этой присказке дурацкой! Павел Рогочий, оперативник АПБР. Именно он командовал той операцией в Миленках. Тогда и познакомились.

– И что же вы предлагаете? – раздраженно бросает седоватый. – Игнорировать показания ан-детектора и идти дальше? А может быть, вообще вернуться?!

– Вы – босс, – пожимает плечами Рогочий, – и отвечаете за результат. Ваша задача – найти эту дрянь. А моя – обеспечить, чтобы как можно больше участников экспедиции дожило до ее завершения. И завершения не в стиле «в общем, все умерли», а благополучного возвращения за Периметр. Конечно, я обязан подчиняться вашим приказам, но подумайте вот о чем. Не мне вам рассказывать, что такое Провалы ночью. А скоро уже стемнеет. Намек понятен? И еще одно: в этом монастыре только одни ворота. Если их перекроют, нам хана, понятно?

На лице седоватого фанатичное упрямство научного работника борется со здравым смыслом. Борьба трудная, но, кажется, ему удается найти компромисс.

– Разделим отряд. Пять человек останутся у входа и дадут сигнал, если возникнет опасность блокировки ворот. Остальные идут со мной к Рождественскому собору. Тут не так далеко – если что, можно добежать за минуту.

По лицу Рогочего видно, что план начальника экспедиции ему не нравится, но достаточно сильных аргументов для возражений он не находит. Начинаю двигаться вперед, чтобы оказаться в группе идущих к церкви. Там Агнешка, и мне надо к ней. Но Рогочий встает на моем пути.

– Далеко собрался, Витя? Ты возглавишь группу у ворот. С тобой останутся три оперативника и научник с детектором.

Понятно, значит, я – Витя. Очень приятно, будем знакомы! Очень хочется возразить Рогочему, да нельзя: споры со старшим в Зоне – начало конца группы. Впрочем, по Миленковской операции я успел узнать Павла как крутого и опытного оперативника, который с Зоной на «ты». Если он будет охранять Агнешку, можно быть более-менее спокойным, насколько это вообще возможно в такой ситуации. Поэтому я только киваю, коротко произношу: «Понял!» и возвращаюсь на свою позицию в арьергарде.

Мы с научником и одним из оперативников находимся у ворот монастыря с внутренней стороны. Еще двое бойцов АПБР дежурят снаружи. Опасность приближается. Я чувствую ее всем своим естеством. Для этого даже не нужны детекторы научника. Провал… он там, за монастырскими корпусами. Именно Провал, а не что-то другое. Я неведомо каким образом воспринимаю его

холодное и смрадное дыхание. Дыхание смерти, пока еще дремлющей, но уже притягивающей всякую гадость вроде истребителей и черт знает кого еще. Но когда совсем стемнеет, она проснется. Странное дело – то, что скрывается в Провалах, не вылезает на поверхность даже в пасмурные дни. Видимо, ему вреден даже рассеянный облаками солнечный свет. Надеюсь, когда серые сумерки сменятся ночной тьмой, мы будем отсюда достаточно далеко… Пока у Провала могут быть лишь мутанты. Сейчас экспедиция наткнется на них, и начнется стрельба. Я мог бы сказать им, что не стоит туда ходить, но меня бы не послушали – я всего лишь оперативник, за которым экстрасенсорные способности не числятся… А ведь их и не было раньше. Откуда взялись? После того столкновения с…

Меня опять продирает озноб, и я начинаю озираться. Научник удивленно смотрит на меня.

– Какие-то проблемы?

– Проверьте пси-детектор.

– Что?.. Какого черта?!

В этот момент я вижу мелькнувшую у дальнего монастырского корпуса черную фигуру. А секунду спустя со стороны собора начинают трещать автоматные очереди.

– Если у вас есть с собой пси-блокиратор, советую включить, – произношу я, поворачиваясь к ученому… и замираю.

Он смотрит на меня остановившимся безжизненным взглядом, а по его шее проходит тонкая темная полоска разреза. Через мгновение научник падает ничком, а стоящий за его спиной оперативник с безумной ухмылкой смотрит на меня. В его руке окровавленный нож. За мгновение до того, как он метнет его в меня, я падаю, выхватывая пистолет. Нож со свистом пролетает надо мной, а я стреляю уже из положения лежа. Три раза. Я точен, но боец в бронежилете, так что попадания в грудь лишь заставляют его дергаться, зато третья пуля попадает в голову прямо над верхней челюстью, и он опрокидывается навзничь. С той стороны ворот раздаются крик и выстрел. Автоматная трескотня стремительно приближается, а я вновь вижу черную фигуру всего в десятке

метров от меня. Вскидываю пистолет… Боль… Жуткая, гасящая сознание. И милосердная тьма.

* * *

Карантин АПБР

Экстрасенс класса «позитив». Мне всегда было интересно, кто, а точнее, что это такое. Слово «позитив» тут применяется вовсе не в обычном своем значении и не имеет никакого отношения к положительным эмоциям. Насколько мне известно, это официальный термин профильного подразделения, работающего с паранормами. Мне редко доводилось сталкиваться с этой братией, но классификацию я знаю. Всего есть десять уровней паранормальных способностей. Четыре высших (снизу вверх) – это «аналиты», «реалиты», «максимумы» и «позитивы». То есть «позитив» – это сильно! Высочайший уровень способностей. Как говорится, круче только яйца. Правда, есть еще и «абсолюты», но это сугубо теоретическая категория, идеальная и, как считается, несуществующая. Даже «позитивов» мало кто видел и знает. В прошлом была такая телепередача «Битва экстрасенсов». Так вот для сравнения: ее победители, как правило, «аналиты» и «реалиты». В очень редких случаях – «максимумы». «Позитивы» же на публике не светятся. Никогда. Их обычно сразу берут под крыло соответствующие серьезные структуры: ФСБ, Минобороны, АПБР и тому подобные. Один «позитив» в обязательном порядке присутствует в штате помощников президента. Их личности засекречены.

Поэтому то, что со мной будет напрямую работать один из них, – это знак, свидетельствующий о том, что я вызываю у АПБР немалые опасения, но одновременно Агентство связывает со мной какие-то серьезные планы, коль скоро подключило к делу такую тяжелую артиллерию. Видимо, в случае успешного прохождения тестирования будет решено, что со мной можно иметь дело, а в противном… гхм… лучше не думать. В общем, сказать, что у меня были поводы для волнения, – это еще очень мягко сформулировать.

Даже не знаю, чего я ожидал. Кого? Уж казалось бы, кто-кто, а я должен быть избавлен от обывательских стереотипов и не представлять «позитива» человеком какой-то незаурядной внешности. В общем-то в моем воображении он и не был магом копперфильдовского типа с горящими пронзительными глазами,

но все равно, увидев его воочию, я был разочарован. «Позитив» оказался невзрачным мужчиной лет пятидесяти, среднего роста, с серыми волосами и абсолютно неприметным лицом. Среднестатистический по всем параметрам, кроме его особых талантов, которые внешних признаков не имели. В толпе на такого ни за что не обратишь внимание.

– Здравствуйте, – приветствовал он меня. – Олег Игоревич, верно?

– Можно просто Олег, – попытался растопить лед я.

– Давайте все же остановимся на моем варианте, – предпочел сохранить дистанцию «позитив». – А ко мне можете обращаться Анатолий Сергеевич.

– Очень приятно.

– Это пока, – посулил он.

М-да, многообещающее начало!

– Садитесь за стол и положите на него руки ладонями вверх.

Так, налаживать контакт он, похоже, не хочет. Оно и верно – я же испытуемый и к тому же преступник. Еще неизвестно, а вдруг у меня сознание измененное. Какое там дружелюбное общение, если от меня может исходить неведомая угроза?!

Поэтому я спокойно принял деловой формат и в точности выполнил его указание. «Позитив» сел напротив и накрыл мои ладони своими.

– Смотрите мне в глаза и думайте о том, что произошло с вами во время последнего возвращения из Зоны! – приказал он.

Даже не будь я настроен на максимальное сотрудничество, не подчиниться силе этого голоса было бы достаточно сложно. Начав работать, экстрасенс преображался прямо на глазах. Теперь бы мне и в голову не пришло назвать его невзрачным и среднестатистическим. Черты лица «позитива» заострились, стали какими-то хищными, а глаза – более глубокими и пронзительными и даже,

казалось, увеличились в размерах. От моих ладоней по рукам и дальше по всему телу начал распространяться холод вкупе с покалыванием, как от электрических зарядов. Вторая волна холода побежала вдоль позвоночника – у этого человека энергетика была поистине сумасшедшей. Я ощутил сильную дрожь. Она началась с легкого озноба и тремора в кистях, которые быстро переросли в заметную даже глазу вибрацию всего тела, как будто у меня температура по меньшей мере 40. Голова начала наливаться тупой болью, а из глубины души поползла волна страха, необъяснимого, иррационального, но оттого только более сильного. Паника, ужас, обреченность – все примерно как тогда, в десяти километрах от Периметра, когда мой мозг брал приступом этот жуткий черный фантом. Меня колотило уже так, что аж зубы клацали. Я хотел отдернуть руки, но экстрасенс прижимал их к столу с силой, которой трудно было ожидать от его не очень-то мускулистого тела. Видно было, что «позитиву» тоже приходится нелегко – на лбу его выступили крупные капли пота.

Я не знаю, сколько длилась эта пытка. Лично мне показалось, что целую вечность, но в таких случаях чувство времени теряется. Наконец он ослабил хватку, и вместе с этим меня стали отпускать холод, дрожь, ужас и головная боль. Я поспешил вырвать свои руки из-под его ладоней, а «позитив» даже и не сопротивлялся. Казалось, он полностью утратил интерес ко мне – откинулся на спинку стула и смотрел куда-то вдаль невидящим взглядом. Хотя какая там даль – глухая стена, выкрашенная салатовой краской. Пока я медленно отходил от этого «сеанса ясновидения» (распротак его!) и доставал из пяток провалившуюся туда душу, экстрасенс, похоже, приводил в порядок сведения, полученные от меня при помощи сверхчувственного восприятия.

Заговорил он внезапно, когда я уже решил, что не услышу сегодня ни слова, и о результатах тестирования меня уведомят дополнительно.

– Две пси-атаки высшего порядка. Две! Обе практически проломили ваш ментальный барьер. Даже после одной такой вы должны были умереть или превратиться в овощ… Уж простите, политкорректность – не мое, так что говорю как есть. Но вы живы, и это просто в голове не укладывается. Пси-потенциал атаковавшей вас сущности таков, что позволяет сжигать пси-блокираторы концентрированным воздействием, просто перегружая их по интенсивности, не говоря уже о ментальных щитах или природных барьерах вроде того, которым обладает ваш напарник Ещенко.

– Но мой он не пробил, – с некоторой даже гордостью возразил я.

А что, есть основания пыжиться: если этот Черный Сталкер таков, как его описывает «позитив», сам факт, что он так долго со мной возился, но так и не подавил полностью волю, дорогого стоит. Впрочем, Анатолий Сергеевич с неприятной усмешкой поспешил вернуть меня с небес на землю:

– Не пробил? Я смотрю на это несколько иначе. Первая атака. Сущности, обычно находящейся в энергетической форме, зачем-то потребовалось человеческое тело-марионетка, для чего был использован ваш напарник Антон Точилин. Его способности в постановке ментального щита если и уступали вашим, то не намного…

– Откуда вы знаете? – не справился с внезапно нахлынувшим изумлением я.

– У меня есть свои источники, – продолжая усмехаться, уклонился от ответа «позитив». – Так вот, при почти равных вам способностях он был сломлен примерно секунд за двадцать. Зачем Точилин был нужен сущности? Поговорить с вами? Нет, он едва произнес несколько слов. Применить против вас оружие, устранить лишнего? Вот это уже ближе к истине, хотя тоже отвечает не на все вопросы. Да, у Ещенко природный ментальный блок, но сущность эта уже показала, что делает с такими: энергетическое воздействие на нервные окончания, болевой шок, а дальше – смерть или беспамятство (нужное подчеркнуть).

У меня аж во рту пересохло.

– Когда она это показала?

– В ваших снах, которые, впрочем, не совсем сны, но об этом чуть позже. На данный момент важно то, что она могла легко вырубить Ещенко, коль скоро уж он ей так мешал, не прибегая к посредничеству рук и пистолета Точилина. Помимо всего прочего это потребовало бы куда меньше энергии. Но сущность пошла на неоправданные сложности. То есть это нам кажется, что неоправданные. На самом деле основания действовать именно так у нее были, только мы их не знаем, а можем лишь предполагать.

– И у вас есть предположения? – Я старался говорить спокойным тоном, но давалось мне это непросто.

– Есть. По какой-то причине эта сущность или та, что стоит за нею, вами заинтересовалась. Поэтому стала действовать таким сложным образом – хотела посмотреть на вашу реакцию. Да, Ещенко выстрелил в Точилина и отвлек его. Вы думаете, что тем самым он спас вас, но это не так. Желай сущность сломать вас, она успела бы сделать это еще до выстрела. Но она наращивала давление постепенно – проверяла потолок вашей ментальной сопротивляемости. И вторая атака, когда ей уже не приходилось тратить энергию на контроль тела Точилина, лучшее тому подтверждение. Там уже не было никаких внешних факторов, способных помешать ей завершить начатое, но она остановилась. Почему?

– Я надеялся, вы мне скажете.

– Какой вы простой! – усмехнулся Анатолий Сергеевич. – У меня нет ответов на все вопросы. Все, что я знаю, – ваше сознание не изменено после контакта с этой сущностью. Точнее, оно изменилось, но не изменено. Это не направленные перемены, инициированные чужой волей, а естественные, возникшие в результате стресса высшего порядка. Во многих экстрасенсах паранормальные способности пробуждаются именно после подобных инцидентов. Именно пробуждаются, а не возникают, поскольку эти способности всегда заложены на генном уровне, просто иногда до поры до времени находятся в дремлющем состоянии. В вас ведь они тоже пробудились, не так ли?

– Хотите сказать, мои сны?

– Они самые, Олег Игоревич, они самые. Это не просто сны, а надчувственный контакт с кем-то, находящимся в другом месте. Возможно, этот кто-то тоже интересует сущность, и, обнаружив в вас связь с ним, она остановилась в последний момент…

Я покачал головой.

– Он остановился не поэтому. В смысле, сущность.

– Вот как? – не проявив видимого интереса, бросил экстрасенс. – И почему же?

– Воспоминания. У этого Черного Сталкера и у меня есть общие воспоминания. Эта сущность возникла на основе личности моего друга, погибшего в

Краснотайгинске…

– Вадима Низовцева? – уточнил Анатолий Сергеевич.

– Откуда вы…

– Вам еще не надоело задавать этот вопрос? Помимо всего прочего у меня на вас есть полное досье, предоставленное куратором сектора, в котором имеются фотографии тех, с кем вы вместе были в Краснотайгинске. Это должно было помочь мне правильно истолковать то, что я увижу при контакте наших разумов. Конечно же, я увидел ваши общие краснотайгинские воспоминания и понял, с чьей точки зрения были воспроизведены те события. Но если вы думаете, что причина в них, то ошибаетесь. Часть причины в лучшем случае. Причем далеко не главная. Вам и тому, кто, возможно, стал бы проверять вас по возвращении, эти «случайно всплывшие» воспоминания были просто подброшены в качестве ответа на вопрос, чтобы вы не искали другого.

– А на самом деле? – озадаченно пробормотал я в ответ.

– На самом деле все одновременно и сложнее, и проще. Ответ содержится в ваших снах. Они связывают вас с кем-то, кто сейчас находится далеко от вас. Так кто же это?

– Не понимаю…

Анатолий Сергеевич поморщился.

– Все вы понимаете, не прикидывайтесь! Вас же предупреждали, что от меня ничего скрыть не удастся? Так к чему теперь эти бесполезные попытки?

Я угрюмо молчал.

– Хорошо, я вам помогу, – помедлив немного, произнес «позитив». – Это женщина. Голубоглазая шатенка, так? Могу создать ее фоторобот и сопоставить с нашими базами, но к чему все эти заморочки? Вы ведь хотите сотрудничать, не так ли? Или в тюрьму хотите? Уверяю, когда вы снова выйдете на свободу, женщины будут интересовать вас уже незначительно. С другой стороны, этой

вашей зазнобе ничего не грозит. С нашей стороны. Зато, вполне возможно, грозит со стороны Зоны. И чем лояльнее вы будете к нам, тем больше у вас шансов в итоге ей помочь. Ну, что скажете?

Я колебался, но постепенно склонялся к выводу, что «позитив» не лжет. Да и аргументы его выглядели довольно убедительными. Помолчав еще немного, я медленно произнес:

– Допустим, я согласен. Только прежде чем я скажу вам, кто она, ответьте мне на один вопрос. То, что я вижу в своих снах, действительно происходит где-то в другом месте?

– Может быть, не в точности так, но да.

– Но как это может быть? Я ведь там оказываюсь в теле другого человека по имени Виктор, который находится…

– Где? – Анатолий Сергеевич, до сих пор вещавший небрежно и слегка вальяжно, тоном лектора, дающего студентам давно надоевшую тему, вдруг проявил повышенный интерес к разговору.

– Мне кажется, во Владимирской Зоне. И еще я почти уверен, что это связано с экспедицией АПБР.

Экстрасенс помрачнел, от чего мне вновь стало холодно.

– Вам что-то об этом известно? – не выдержал я.

– Что-то известно…

В эти секунды я весь словно превратился в сплошной сгусток напряжения – настолько важен был для меня следующий вопрос:

– Но мне вы сказать не можете?

Он криво улыбнулся.

– Отчего же? Могу. Тестирование вы прошли с положительным результатом, о чем я официально уведомлю руководство сразу же после того, как покину эту комнату. Правда, информация, которая вам нужна, превышает ваш уровень допуска, и не исключено, что господин Одинцов откажется вам ее предоставить. Но я в данном случае склонен пойти вразрез с «генеральной линией партии».

Я не поверил своим ушам.

– Э-э… Анатолий Сергеевич, а вы в курсе, что эта комната прослушивается?

– Олег Игоревич, а вы знаете, что такое экстрасенс класса «позитив»? Эта электроника, между нами говоря, – такое дерьмо (да простится мне мой плохой французский)! Ломается от малейшего чиха. На то, чтобы все наладить, у техников уйдет минут двадцать. Этого времени нам с вами вполне хватит, чтобы поговорить, так сказать, «не для протокола». Но для начала вы назовете мне имя.

– Агнешка Томаховская.

«Позитив» кивнул, словно названное мною имя согласовывалось с какими-то уже сделанными им логическими выводами.

– Этого следовало ожидать. Я видел ее имя в списках… Значит, так, связь с экспедицией АПБР, отправленной в так называемую Владимирскую Зону, пропала позавчера вечером. Она осуществлялась через спутниковый телефон руководителя экспедиции Петра Андреевича Афанасьева. Это может означать либо уничтожение всей экспедиции, либо… впрочем, тут возможны варианты. И вот как раз в этом вопросе возникают перспективы, связанные с вами.

– Со мной? – тупо переспросил я.

Слова «уничтожение всей экспедиции» подействовали на меня как удар пыльным мешком по голове. Конечно, мои сны-видения в какой-то степени подготовили меня к самым плохим новостям, но одно дело опасаться, а другое – услышать это открытым текстом.

– Именно с вами. Уж простите, но вы благодаря своим видениям становитесь, образно говоря, резервным каналом связи с экспедицией, если, разумеется, там еще есть, с кем связываться.

Меня передернуло от новой волны озноба.

– Если вспомнить мой последний «сон», я в этом вовсе не уверен, равно как и в том, что эти, как вы тут выразились, «надчувственные контакты» будут продолжаться. Видите ли, у меня ощущение, что тот «контактер», в тело которого я периодически «подселяюсь», мертв.

– Надо быть оптимистом, Олег Игоревич, – спокойно отреагировал на мои слова «позитив», и эта фраза как-то очень гармонично подошла к названию его класса. – Так жить будет проще.

– Вы не понимаете, – мрачно продолжал я, ощущая, как боль растекается по мне из глубины души. – Там же… Если она… То есть если с ней… – Говорить мне было очень тяжело, и на этом месте я просто сдался, перестав искать слова, и замолчал.

Несколько секунд он смотрел на меня со слабой улыбкой, одновременно снисходительной и печальной.

– Ох уж эта молодежь! Всегда-то вам кажется, что старшее поколение ничего в этой жизни не понимает! Так вот, смею вас уверить, вы заблуждаетесь. Если кто и может это понять, то как раз я. Будь иначе, я не сделал бы вам того предложения, которое делаю сейчас.

– И что же это за предложение?

– Завтра утром по моей рекомендации вас отсюда выпустят. Вы соберете все необходимое и отправитесь туда.

Я во второй раз в течение этого разговора не поверил своим ушам:

– Во Владимирскую Зону?!

– Да.

– Но как?! Куратор…

– Значит, так. Первое. Я в этом деле получил от куратора карт-бланш, а значит, могу действовать, как сочту нужным, без оглядки на руководство. Второе. АПБР к этой операции формально отношения иметь не будет. Мы просто «потеряем» улики против вас и отпустим за отсутствием состава преступления. Вы отправитесь туда как независимый сталкер, не получая никакой поддержки, кроме некоторой информации и экипировки. Все это опять-таки неофициально. Зона лишь недавно оккупировала Владимирскую область, и Периметр там – дыра на дыре. Вы, с вашим опытом, легко туда проникнете. Сегодня вечером вам по моей рекомендации поставят инъекцию антиновы. Кроме того, достану полностью заряженный пси-блокиратор и несколько ампул со станом, которыми можно заряжать транквилизаторный пистолет.

– Это еще что такое?

Он усмехнулся.

– Что, не успели еще выяснить? Обычно разработки АПБР довольно быстро утекают к сталкерам.

– Да ладно вам! Антинова только и утекла. А это изобретение общественной значимости.

– Ну-ну. Ладно, вернемся к стану. Это недавний прорыв в области прикладной химии. Создан специально против Измененных. Временно блокирует их способности и угнетает физически и ментально. На время они становятся вполне обычными людьми, вдобавок вялыми и апатичными. Не факт, что во Владимире вам встретятся Измененные (по крайней мере разведка не сообщала о фактах наблюдения их внутри новообразованной Зоны), но на всякий случай…

– Ценная штука! Однако всего этого недостаточно. Я лезу в Зону один, что повышает мои экипировочные запросы в разы.

– Только не говорите мне, что у вас нет заначки!

– Есть, но там не все необходимое.

– Остальное я вам достану. Только список дайте. Ну и спутниковый телефон для связи тоже с меня.

– Занятно… Такая забота! А что потребуется от меня?

– Только то, что вы и так будете делать. Найдите остатки экспедиции и вытащите их оттуда. Я думаю, что они достаточно близко подобрались к цели своей миссии…

– И что же это за цель?

– Зона уже долгое время была сравнительно стабильна. А тут вдруг увеличение пси-активности, появление кочующей аномалии и резкая экспансия в сторону Владимира. Почему? Вопрос, и найти ответ на него очень важно. Единичный ли это случай, или начало нового этапа, когда Зона начнет интенсивно расширяться? Если второе, то у нас ба-а-альшие проблемы, друг мой! Коль скоро экспедиция что-то узнала, это должен знать и я.

– Вы? Или АПБР?

«Позитив» загадочно улыбнулся:

– Олег Игоревич, вам не кажется, что новой информации на сегодня уже более чем достаточно?

Глава 4

Где-то во Владимире

Меня трясут за плечо. Энергично и даже нервно. А я сижу над безжизненным телом Павла Рогочего и ритмично надавливаю на его грудь – делаю непрямой

массаж сердца.

– Идемте же, Виктор! – звучит над ухом знакомый голос. – Вы ему уже ничем не поможете – он мертв! А нам нужно срочно уходить – почти стемнело, и Провал вот-вот проснется!

Я поворачиваю голову, все еще боясь поверить своим ушам, но так оно и есть – Агнешка. Живая, слава всем богам! И я живой. То есть Виктор. Но все это ненадолго, если мы немедленно не уберемся отсюда. Один взгляд, брошенный вверх, подтверждает серьезность опасений Агнешки: хмурое вечернее небо готовится стать совсем темным, ночным. И Провал… Я чувствую его безо всяких детекторов – до него метров тридцать-сорок, вряд ли больше. Глазу он недоступен, так как скрыт за деревьями и… надгробиями?! Да, мы, оказывается, на кладбище.

Я вскакиваю на ноги. Внутри болезненной вибрацией отдаются нетерпеливые и голодные пульсации готового пробудиться Провала. Слева… Погодите, там еще кто-то… Да это же научник с детектором! Нашел время параметры замерять! Тут его замечает и Агнешка и кричит на грани срыва:

– Шамиль, прочь оттуда! Уходим!

Научник словно пробуждается от странного летаргического сна, вздрагивает, бледнеет и бежит в нашу сторону. Мы тоже пускаемся бежать, а в моей голове пульсирует подленькая мыслишка, что он отстает от нас на двадцать шагов, а следовательно, то, что изрыгнет Провал уже меньше, чем через минуту, первым настигнет его, и у нас появится шанс. Бежим. Скоростные возможности Агнешки, конечно, уступают моим, и я подстраиваюсь под ее предельный темп. Впереди нас бегут еще несколько человек. Неужели это все, что осталось от экспедиции, насчитывавшей в первый момент моего появления здесь около тридцати участников?! Если так, то потери поистине кошмарные! К тому же она обезглавлена: я что-то не замечаю среди бегущих седоватого начальника научников, а Рогочий остался лежать мертвым там, позади, совсем рядом с Провалом. Не удивлюсь, если теперь мы с Агнешкой окажемся главными среди выживших. Правда, для этого надо еще выжить, а это, боюсь, станет проблематичным…

Я чувствую выброс за мгновение до того, как он происходит. Энергетические пульсации становятся настолько сильными, что напоминают уже родовые схватки, и в следующий момент это происходит. Мне раньше не доводилось видеть ночные выбросы Провалов… к счастью. Как правило, живых свидетелей таких событий не остается. Оборачиваюсь на бегу (любопытно же!) и округляю глаза от изумления и ужаса: за нами с большой скоростью, едва ли не превосходящей нашу, катится волна какого-то черного дыма, как от горящего мокрого дерева или резины, только гуще и высотой в два человеческих роста.

Несчастный научник Шамиль опережает ее всего на несколько метров, и волна едва ли не каждую секунду подъедает помаленьку этот отрыв, постепенно настигая его. Бедолага обречен. Бежать, постоянно оглядываясь, рискованно – чай, не по стадиону пробежку совершаем, и под ногами попадается всякое. Споткнуться или подвернуть ногу со всеми вытекающими тут не вопрос. Поэтому я отворачиваюсь и бегу, несмотря на почти болезненное любопытство: что сделает этот черный дым с Шамилем, когда догонит?

Оборачиваюсь только на его дикий вопль. Успеваю увидеть, как беднягу накрывает волна, и он исчезает. Напрочь, словно его непрозрачным коконом накрыли. И криков больше не слышно. Внутри продолжающей свою погоню волны мрака происходит какое-то движение, но это все, что мне удается увидеть. Что же, мир твоему праху, Шамиль!

Обнаружив, что приотстал от Агнешки, снова добавляю хода и, на бегу оценивая состояние своего организма, с тревогой ощущаю, что надолго меня в таком режиме не хватит. Впереди появляются ворота кладбища. Неизвестно почему они пробуждают в душе иррациональную надежду, хотя мы не в готическом романе, где заклятая ограда погоста не выпускает нежить наружу. Выбрался – спасся. Тут не так. И гонится за нами не толпа зомби, а волна энергетического выброса Провала. Наш шанс в том, чтобы ее движущий импульс (а его не должно хватать надолго) иссяк раньше, чем наши силы.

И тут Агнешка спотыкается и падает. Помогаю ей подняться, но этому мешает проволока, за которую зацепились ее джинсы и которая, словно живая, ухитрилась еще как-то обмотаться вокруг ее ноги. Мысленно проклиная все и вся, выпутываю ногу Агнешки из этого капкана, но когда нам это удается, времени потеряно уже столько, что… Оборачиваемся и леденеем от страха оба – волна всего в нескольких метрах от нас. Но происходит чудо – высота надвигающейся стены черного дыма начинает резко идти на уменьшение и

сходит на нет, не дойдя до нас каких-то полутора метров. У меня невольно вырывается шумный вздох облегчения.

– Не спешите радоваться, – разом портит мне настроение Агнешка. – Волна – это не все. Сейчас другое полезет.

Знаю, что полезет, хоть и не знаю, что конкретно. Сам не видел, но по слухам – жуть какая-то.

– Идти можете? – спрашиваю я.

– Нормально, – успокаивает меня Агнешка. – Я только немного ушиблась – ни вывихов, ни переломов.

Снова бежим, только уже трусцой, а не во весь опор. Но впереди нас теперь только одна фигура. Что за черт?! Где остальные? Куда исчезли?

– Она близко, – отвечает на мой невысказанный вопрос Агнешка. – Хулиганит с пространством. Не надо было нам отставать от остальных, глядишь, и не потерялись бы.

– Она – это главная аномалия? – уточняю я.

– Ага, Кочевница. Она движется и сейчас. Снова уходит. Но в этот раз мы подобрались к Ней ближе, чем обычно.

– А толку? – с горечью восклицаю я. – Людей у нас осталось шиш да маленько…

Внезапно она вздрагивает и всматривается в мое лицо.

– Виктор, а мы с вами раньше не встречались?

Сердце екает. Неужели почувствовала?

– Встречались… Агни, – дрогнувшим голосом произношу я.

На ее лице смятение.

– Вы… ты… кто вообще такой?

– Олег.

Она энергично мотает головой:

– Нет. Это невозможно. Никак невозможно!

– Я тоже так думал, Агни, но… Я сейчас далеко и понятия не имею, как попадаю своим сознанием в это тело. Но я приду за тобой, слышишь? Приду и вытащу отсюда, чего бы мне это ни стоило!

– Олег, я…

Она обрывает фразу на полуслове, видя мое остановившееся лицо, и оборачивается. А мой позвоночник вновь ледяной, потому что та единственная фигура перед нами – не участник экспедиции. Точнее, теперь уже не участник. Мне до жути знакомы и взгляд пустых потемневших глаз, и по-собачьи склоненная набок голова. Пистолет в его руках смотрит мне в лицо.

– Агни, беги! – деревянным голосом произношу я.

– Я не…

– Беги, говорю! Я найду тебя!

Она бросается в сторону, прямо сквозь кусты и ряды надгробий. Я готовлюсь кинуться на одержимого, если он решит остановить ее, но тот остается безразличен к побегу Агнешки. Он смотрит на меня и знакомо хрипит:

– Интересно! И здесь ты!

– Вадим? Это ты? – выкрикиваю я. – Что тебе нужно?!

– Вадима больше нет. Вас осталось только двое. А ты растешь! Интересно, почему у тебя связь именно с ней?

– Почему ты убиваешь? Зачем преследуешь нас?

Несколько секунд он молчит и смотрит на меня, все так же склонив голову.

– Нет. Здесь ты лишний. Тебя надо исключить.

– Исклю…

Договорить я не успеваю: вспышка, звук выстрела, мгновение страшной боли и тьма.

* * *

Владимирская зона. Судогодское шоссе

«Позитив» оказался совершенно прав: наспех созданный Периметр вокруг оккупированных Зоной территорий Владимирской области не выдерживал никакой критики. Прорех было столько, что сквозь них не только сталкер-одиночка, а целая рота мотострелков прошла бы, правда, без бронетранспортеров. Единственное, что военные сделали качественно, – это перекрыли дороги, поэтому Периметр мне пришлось пересекать на своих двоих. Само по себе, это особых сложностей не доставило, но вот потом… От Периметра до Владимира километров тридцать с гаком, а целью моей как раз и являлся бывший областной центр. Топать пешком в такую даль у меня не было ни времени, ни желания. Оставалось где-то раздобыть бесхозные колеса, в которых здесь, по логике, после стремительного наступления Зоны недостатка быть не должно.

Догадка оказалась верной: отмахав около двух километров, я наткнулся на целую вереницу легковушек, застывших на дороге. Мертвая автоколонна. Очевидно, это были беженцы, рванувшие из Владимира, узнав о наступлении Зоны. Но из всех путей для отступления они выбрали наихудший. Тут их, очевидно, и накрыло… Только что? Аномалия? Черный Сталкер? Банда

истребителей? В любом случае действовать надо осторожно. Я замедлил шаг и вытащил из кармана верный «Грач».

От боли и бессильного гнева у меня сжимались зубы аж до скрежета. Сколько же тут трупов! И сколько их еще наверняка в самом Владимире и его ближайших окрестностях! Почему? Из-за чего?! Да, Анатолий Сергеевич, экстрасенс класса «позитив», был абсолютно прав с формулировкой главного вопроса: почему Зона, столь долго пребывавшая в стагнации, вдруг предприняла столь резкий бросок на север? Расслабилось человечество, не ожидало такой подлянки от порождения чуждого разума. Вот и заплатило. Дорого заплатило. А на язык почему-то просится фраза: «То ли еще будет!» «Оккупация» Зоной Владимирской области отняла множество жизней – потери, к которым надо прибавить и всех, кто потерял человеческий облик, до сих пор подсчитывают. Но если наступление продолжится… От одной мысли о таком раскладе кровь стыла в жилах. Ничего удивительного, что участью этой экспедиции все так интересуются! Даже если бы в ней не участвовала Агнешка, научников АПБР все равно следовало бы оттуда вытаскивать: что бы они там ни узнали, переоценить важность этой информации невозможно. Непонятно одно: почему в таком случае за ними отправили (причем нелегально) только меня одного, а не полновесную спасательную команду?

Я извлек из своего заплечного мешка ан-детектор – прибор, по показаниям которого делались выводы о присутствии и близости различных аномалий Зоны. Да, экипировал меня «позитив» знатно. Ан-детектор, пси-блокиратор и встроенный в часы пси-детектор стоили немалых денег. Краткий ликбез по обращению со всем этим оборудованием мне тоже провели, так что по цифровой индикации на экране ан-детектора я смог сделать вывод, что аномалия тут была, но уже довольно давно. Возможно, как раз в тот день, когда была разгромлена эта несчастная автоколонна.

Первым стоял, развернувшись поперек шоссе, здоровенный черный «Рэндж-Ровер», в который врезалась серебристая «Ауди» со смятым в гармошку капотом. У последней разбито лобовое стекло, а у первого – стекло пассажирской двери. Черт его знает, что там случилось с этим здоровенным внедорожником! Может, аномалия как-то на машину повлияла или на сознание водителя, а может, Черный Сталкер ему мозг сжег или прыгун на капот вскочил, перепугав до полусмерти. Теперь уже не узнать, да и смысла в этом нет. Что внутри разбитых машин, не видно, но заглядывать как-то не тянет. В качестве транспортных средств они уже наверняка несостоятельны, а так… чего я там, спрашивается,

не видел? Окровавленных трупов, что ли? Да и они тоже вряд ли остались – разбитые стекла наводили на определенные мысли. Истребители, как и прыгуны, были многократно замечены в людоедстве. Эти твари практически не делают различий между живой добычей и мертвечиной – и то, и другое очень уважают. Судя по всему, со времени разгрома автоколонны прошло уже несколько дней, но кто-то из них может до сих пор тут пастись, доедая остатки. Так что осторожность, осторожность и еще раз осторожность!

Я медленно шел вдоль дороги и внимательно оглядывал машины, выбирая из них наименее побитые и стоящие так, чтобы можно было сравнительно спокойно выбраться из этого плотного строя. Пока большинство из них выглядело достаточно удручающе – помятые, с выбитыми стеклами и потеками крови. Наконец взгляд выхватил из всего этого кошмара две более-менее подходящие машины – новенький «Форд», чьи повреждения, кажется, исчерпывались одной разбитой фарой, и стоящая через две машины от него видавшая виды «Шеви-Нива». Водительские дверцы у той и другой были открыты: похоже, владельцы обеих машин пытались спастись бегством. Удалось ли им это – науке неизвестно, но трупов скорее всего в этих машинах нет. И стоят они так, что выехать сравнительно удобно. Сливать бензин в Зоне особенно некому, так что и с топливом должен быть порядок. Неужели повезло?

К счастью, в последнее время я научился относиться к любому везению подозрительно, поэтому к автомобилям приближался в полной боевой готовности, держа в руке «Грач» со снятым предохранителем. В результате, когда со стороны стоящей справа «Хонды» послышался металлический скрежет, это не застало меня врасплох.

Я резко развернулся в сторону звука, вскидывая оружие. Со скрипом распахнулась водительская дверь «Хонды», и оттуда выскочил здоровенный истребитель. Уж не знаю, что он там делал – водителя доедал или просто спал, а может, сидел в засаде. Так или иначе, но звуков мутант никаких не издавал до самого последнего момента. Я выстрелил, но как раз в этот момент мутант дернулся. Истребители – твари достаточно быстрые, так что пуля лишь сравнительно легко ранила его в бок. К счастью, у этого конкретного мутанта глаза были скорее желтыми, чем оранжевыми, так что плеваться ядом он не умел. Пока, во всяком случае. Истребитель прыгнул на меня, но я успел опрокинуться на спину, выставив перед собой чуть согнутые ноги, на которые и принял тело мутанта, и, спружинив ногами, перебросил его через себя. Тут же резко поднялся на колено и развернулся, держа пистолет перед собой. Вовремя!

Истребитель был уже готов к новой атаке. Но на сей раз мой выстрел опередил его, и тварь поймала пулю прямо разинутым ртом, дернулась, опрокинулась на бок и испустила дух.

Я поднялся. Нервы все еще были натянуты как струны – стресс мне этот мутант устроил неслабый. Хорошо, что я еще в Краснотайгинске перестал воспринимать их как людей, пусть даже и бывших, – было бы стократ тяжелее на спуск давить (я все же не отморозок какой-нибудь). А с ними только замедлишься на пару секунд, дрогнешь, дашь слабину, и пиши пропало! Да, когда-то с ними произошла большая беда – Зона превратила их в убийц-людоедов, не имеющих с человеком ничего общего, кроме, отчасти, внешности. Кстати, до сих пор удивляюсь, почему меня-то миновала чаша сия? Ведь мог и я уже десять лет как бегать с оранжевыми глазами и плевать ядовитой слюной… если бы, конечно, не превратился в радиоактивный пепел вместе с Краснотайгинском. Мне говорили про стойкую генетическую структуру, слабую восприимчивость к излучению Обломков… Повезло… Только как я до сих пор использовал это везение? Хватит, однако! Не время и не место здесь для подобных размышлений. Потом, за Периметром, с кружкой холодного пива, возможно. Но не сейчас.

К тому же в голову тут же пришла мысль, что истребители редко бродят поодиночке. Я осторожно приблизился к «Хонде», из которой выскочил мутант. Вряд ли в ней скрывалось больше одной твари, но лучше все-таки убедиться. Там, где ставка – твоя жизнь, предположения, пусть даже и с высокой степенью достоверности, не котируются вообще. А мне нужно иметь проверенный, зачищенный тыл. Я заглянул внутрь «Хонды». Пусто. Только кровь, кости и остатки полуразложившейся плоти, не доеденной истребителем. Не самое приятное зрелище, но желудок у меня крепкий. Что же, теперь «Хонда» безопасна. Спокойно повернувшись к ней спиной и выставив перед собой «Грач», я принялся внимательно осматривать ближайшую ко мне территорию.

Взгляд скользнул по здоровенному лиловому «Лендкрузеру», махина которого мрачно застыла рядом с интересующим меня «Фордом». Но внедорожник привлек мое внимание не сам по себе: рядом с его передними колесами на земле что-то белело. Какой-то небольшой предмет, напоминающий браслет или часы. Наверное, ерунда какая-нибудь, однако лучше проверить. Стараясь шагать бесшумно, я приблизился к «Лендкрузеру» и присел на корточки рядом с этим предметом.

Надо же, я не ошибся – стоило подойти и посмотреть! Это были часы, но не абы какие, а со встроенным пси-детектором. Такие кому попало не дают. Это стандартная экипировка сотрудников АПБР, а значит, я ни много ни мало наткнулся на следы пропавшей экспедиции. Тревожило то, что часы белые. Мужчины обычно предпочитают более практичную темную расцветку. Тогда что же получается – женщина? Агнешка?!

Нет, не может быть – это же самое начало пути, а в моих снах-видениях Агнешка прошла гораздо дальше. И потом, с чего я взял, что моя подруга – единственная женщина в экспедиции АПБР?

Все-таки я слишком погрузился в свои размышления. Непозволительно глубоко для такого места и времени. Поэтому резкий звук совсем рядом почти застал меня врасплох. Я вскинул голову и начал подниматься. В тот же миг звучно раскололось стекло ближайшей ко мне дверцы «Лендкрузера», и в нескольких сантиметрах от моего лица возникла бородатая физиономия еще одного истребителя, только с яркими ядовито-оранжевыми глазами. Реакция выручила меня, позволив уклониться в самый последний момент, и плевок мутанта разминулся с моей головой. Но, уклоняясь, я потерял равновесие и очень неудачно упал. Удар получился настолько болезненным, что у меня перехватило дыхание. Истребитель между тем ломанулся сквозь выбитое стекло двери наружу и слегка застрял. Это меня и спасло – я успел прийти в себя и откатиться в сторону. К счастью, даже вожаки мутантов не могут плеваться непрерывно. Их потолок – примерно раз в полуминуты, яд должен накопиться. Поэтому оранжевоглазый теперь должен был добраться до меня физически. Ему пришлось втянуться обратно внутрь машины и выбить ногой подклинившую дверь, чтобы выбраться наружу. Но я его уже ждал, так что, едва встав на землю, он получил в грудь и лицо четыре пули. Стрелял я, находясь в достаточно устойчивом положении, так что в цель попали все выстрелы. Истребитель рухнул, убитый наповал.

Но только я начал подниматься на ноги, как меня накрыло. В глазах потемнело, а головная боль стала нарастать подобно горной лавине. Продержался я секунд тридцать, после чего сознание мое капитулировало, отправив меня в глубокий аут.

* * *

Где-то во Владимире

Странно… Вижу трех человек. Одна из них Агнешка. Они беседуют. Но смотрю я на них как-то сверху, будто на дереве сижу… Правда, не чувствую, на что опираюсь или на чем вишу. Вообще никаких тактильных ощущений. Тело онемело, что ли? Опускаю глаза… Что за черт?! Подо мной вообще ничего, словно я в воздухе парю. Но и это еще не самое странное: тела своего и ног я тоже не вижу. Такое ощущение, что они просто отсутствуют. Это что же я – бесплотный дух, что ли? Или, скорее, отделенное от тела сознание? Очевидно, после убийства того, в кого я подселялся раньше, новое вселение не состоялось. Почему? Я мог вселяться только в того оперативника, Виктора? Или просто тела тех двоих, что сидят рядом с Агнешкой, мне по каким-то причинам не подходят?

Может, проверить? Без тела как-то некомфортно. Ощущения странные и неприятные, которые, будь у меня плоть, я мог бы назвать тошнотой. Как же к ним подлететь? Оказалось, предельно просто – лишь подумать о том, куда именно мне нужно двигаться. И алле-оп! Я перемещаюсь в нужном направлении. Приближаюсь к одному из них и пытаюсь «нырнуть» в него. Фиг там! Что-то меня отталкивает, будто невидимый силовой барьер. Подлетаю к второму, повторяю попытку, но с тем же нулевым результатом. Досадно! Но в чем же дело? И тут я замечаю за правой мочкой одного из мужчин миниатюрный черный шарик. Вот же гадство! Пси-блокиратор. Подлетаю ко второму – та же история. Похоже, эти приборы не только защищают владельцев от пси-атак Зоны, но и препятствуют вселению в их тела посторонних сущностей вроде меня. Интересно, а Черному Сталкеру они помешают? Эта сущность не чета мне – в разы сильнее. Думаю, справится и с пси-блокиратором. Да и «позитив», помнится, то же самое говорил. Ладно, повишу пока тут поблизости и послушаю, о чем они беседуют, благо меня не видно.

Осматриваю ее спутников. Судя по телосложению и экипировке, оба научники. Хреново! В случае опасности толку от них как от защитников вряд ли будет много. Один – длинный и худой, довольно изможденного вида, второй немного покрепче, с густой бородой чуть ли не до глаз – ну, прямо геолог в экспедиции. Говорит худой:

– Возвращаться надо, Агнешка! Что мы тут сможем втроем?!

Тут я был с ним согласен совершенно – умница, мужик! Хоть бы Агнешка к нему прислушалась! Однако она отрицательно покачала головой:

– Нельзя, Тим! Мы подошли слишком близко, чтобы отступать.

– Близко! Да Она издевается над нами – водит по кругу. А Провалов столько, что кажется, будто по минному полю ходишь. И ладно бы только Провалы и мутанты! Тут еще и сущность эта черная преследует нас, как Немезида. А шутки с пространством? После того как Кочевница нас на кладбище раскидала, мы нашлись только чудом. А ну как Она еще раз подобный трюк повторит? Везение – штука капризная и непостоянная. Я бы не стал на него полагаться. Не сдюжим мы втроем – подкрепление нужно! Если останемся, может, и узнаем то, ради чего сюда пришли. Да только знание это никому не поможет, потому что уйдет вместе с нами в могилу.

Агнешка поворачивается к «геологу»:

– А ты, Саша, тоже так думаешь?

– По большому счету, Тим прав, конечно… Оптимизма по поводу завершения наших поисков у меня тоже маловато. Но отступать как-то… У меня два серьезных возражения. Первое: мы слишком глубоко забрались, и возвращаться сейчас может быть не менее опасно и проблематично, чем двигаться дальше…

– А вот тут ты не прав, Саня! – возражает худой. – Все эти напасти сыплются на нас как из рога изобилия только лишь потому, что мы Ее ищем. А прекратим, двинемся на выход, и держу пари, как аномалия, так и фантом этот черный сразу потеряют к нам интерес. И останутся только обычные среднестатистические опасности Зоны: мутанты там, пси-активность и еще кое-что по мелочи. Тут даже Измененных нет, к счастью. С этим мы и без оперативников справиться сумеем.

– Возможно, Тим, – задумчиво и мрачно говорит Саша. – Только есть еще и второе – время. Выходить отсюда, собирать новую экспедицию, повторные поиски с нуля начинать – на это неделя уйдет как минимум. За неделю Кочевница упереться может, куда Макар телят не гонял. Пока что мы у нее на хвосте сидим, а там… Где ее потом искать? К тому же ты можешь поручиться, что за эту неделю аномалия не вызовет новое расширение Зоны?

– Мы еще не установили точно, она ли в этом виновата, – напоминает Тим.

– Тем более! Узнали мы довольно мало, ты не находишь? Особенно учитывая, какие понесли потери. Аномалия перемещается не просто так. Она что-то ищет. Возможно, точку опоры, плацдарм для нового броска. Скажи, Агнешка!

Девушка ненадолго задумывается, а потом отвечает:

– Предположение смелое, Саша, но это вовсе не значит, что оно ложное. Ты прав в главном: мы до сих пор узнали слишком мало, и если сейчас уйдем, все, кто погиб в этой злосчастной экспедиции, погибли напрасно, и время было потрачено зря. Мы не можем себе такого позволить. Зона долго дремала, но теперь проснулась, породив Кочевницу. И сразу началась резкая экспансия. Сомневаюсь, что все снова успокоится на месяцы или годы. Кочевница опасна, ребята, я нутром чую. Необходимо выяснить, как и почему расширяется Зона и что нужно сделать, чтобы ее остановить. Согласна, дела наши выглядят не блестяще, и шансов на успех не слишком много, но они все же есть. И отступить сейчас… – Она качает головой. – Формально я не могу вам приказывать. После гибели профессора Афанасьева никто меня старшей не назначал. Каждый должен решать сам, и если вы решите уйти… что ж, так тому и быть. Я остаюсь в любом случае и могу только просить вас поддержать меня.

– Выбирая между плохим и очень плохим, – медленно произносит «геолог» Саша, – твой вариант мне кажется меньшим злом. Я с тобой.

– Тим? – поворачивается Агнешка к худому.

Тот колеблется, и тут я это снова чувствую. У меня нет плоти, чтобы ощутить обычный для таких случаев холод. И я не вижу черного фантома, что в сумерках вовсе не удивительно. Ощущения совсем другие – меня словно пронизывает сильный электрический разряд, а только потом приходит обычная волна ужаса. Одного взгляда на лицо Тима хватает, чтобы понять: против Черного Сталкера пси-блокиратор абсолютно несостоятелен. Глаза худого темнеют, и он склоняет голову набок, разглядывая Агнешку. Та, кажется, понимает, в чем дело, бледнеет, вскакивает на ноги и тянется за пистолетом.

– Не надо горячиться! – простуженным голосом сипит Тим.

Агнешка вскрикивает от боли, и рука ее повисает как плеть. «Геолог» вскакивает на ноги и срывает с плеча автомат, но, не успев выпустить ни одной очереди, падает на землю и начинает корчиться от боли.

– Глупо сопротивляться! – Голова Тима поворачивается, и его почти черные пустые глаза смотрят прямо на меня. И видят, сомневаться не приходится. – Опять ты! Упрямый! Сюда пришел? Сам? Интересно!

Напрягаюсь в ожидании ментальной атаки и мысленно кричу Агнешке: «Беги!» Она то ли слышит, то ли сама принимает решение, но пускается прочь со всех ног. А я вижу, как «геолог», которого чуть отпускает в момент, когда Черный Сталкер отвлекается на меня, превозмогая боль, дотягивается до автомата, и его очередь перерезает тело Тима буквально пополам. В этот момент с запозданием приходит ментальный удар. Боль страшная, (хотя, казалось бы, чему тут болеть, я же – чистое сознание?), и я перестаю что-либо видеть…

* * *

Владимирская зона. Судогодское шоссе

Пришел я в себя там же, у колес лилового «Лендкрузера», рядом с трупом истребителя. Меня всего колотило, голова разламывалась, а с языка потоком неслись непечатные выражения, красноречивые и витиеватые, с каждым из которых из меня словно улетала молекула боли, принося заметное облегчение. Это что же, теперь всегда так будет?! Со снами мне нравилось намного больше. Ведь не зависящая от меня возможность отключаться где попало в Зоне многократно увеличивает мои шансы стать чьей-то легкой добычей. Хотя бы тех же истребителей. Сейчас повезло, но черт его знает, как оно получится в следующий раз! Можно очнуться от того, что кто-то начал тобой закусывать. Все-таки недаром неписаный свод правил сталкеров запрещает ходить в Зону поодиночке!

Я поднялся на дрожащие и подкашивающиеся ноги. Огляделся. Подобрал пистолет. Да, то, что я жив – лишнее доказательство отсутствия поблизости мутантов. Это радует. Внимательно осмотрев «Форд» и «Шеви-Ниву», я все же предпочел вторую: пожалуй, преимущество в проходимости на данном этапе для

меня важнее. Машина чиста, бак почти полный. В багажном отделении помимо запаски обнаружилась пустая канистра. Благодаря небеса за столь неожиданный и приятный подарок, я принялся сливать в нее бензин из соседней «Ауди». Похоже, там, наверху, за мной кто-то заботливо присматривает, и признаться, это меня несколько воодушевляет. По крайней мере пока мне везет просто-таки до неприличия (тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы!).

Закончив наконец с подготовительными процедурами, я сел за руль и аккуратно вывел «Шеви-Ниву» из шеренги товарок по несчастью. Не без некоторого удовольствия переехав труп истребителя, обогнул развернутый поперек дороги «Лендкрузер» и взял курс на север. Оптимизма в моих мыслях явно не хватало. Надеюсь, Агнешка спаслась, но теперь Черный Сталкер точно знает, что я сюда прибыл. Что он будет делать с этим знанием, я не имел понятия, однако предчувствия у меня на сей счет были в высшей степени нехорошие.

Интерлюдия 1

Потылин

Нижний Новгород

Капитан Федеральной Службы Безопасности Валерий Потылин закончил чтение рапорта и поднял глаза на сидящего напротив заместителя начальника управления.

– Ну, что скажешь? – небрежно поинтересовался подполковник Калашников.

Потылин хорошо владел собой, но все же не вполне сумел погасить изумление в глазах.

– Выводы довольно… гм… смелые. По-вашему, источник заслуживает доверия?

– Большей частью да. Человек безупречно логичный, компетентный и к пустым фантазиям не склонный.

– А как насчет его лояльности?

Калашников едва заметно поморщился.

– Тут ничего гарантировать нельзя, как и в случае с любым другим двойным агентом.

– Может ли он нас намеренно пускать по ложному следу?

– В плане лояльности доверять ему можно процентов на 80. Но стоит держать в уме и возможность предательства.

– Понятно, – задумчиво произнес Потылин, хотя взгляд его говорил, скорее, о противоположном. – И что вы собираетесь с этим делать? – Он кивнул на рапорт.

– Не вы, а мы, – сострил почти цитатой подполковник. – Я пригласил тебя сюда не просто так.

– Что от меня требуется?

– Я хочу, чтобы ты собрал команду. Срочно. Только оперативников, знакомых с Зоной не понаслышке и заслуживающих доверия в высшей степени. Человек шесть, не больше. Научный сектор обеспечу я. Нужно отправиться туда.

– Задача?

– Кочевница – это ресурс, значение которого трудно переоценить. Необходимо найти ее и взять под контроль.

– Но как?

– Ну, капитан, – Калашников даже руками развел, – ты что же, хочешь, чтобы я за тебя всю работу сделал? Это и есть ваша главная задача – найти способ и сделать это.

– Если это в принципе возможно.

– Мой человек в АПБР утверждает, что да.

– Предполагает, – уточнил Потылин. – В рапорте его железная уверенность как-то не чувствуется.

– Хорошо. Оговорка насчет «если возможно» принимается. Но ты должен очень постараться!

– Мне вы можете такого не говорить. Когда я на заданиях отбывал номер?

– Не спорю. Именно поэтому я и выбрал для этой миссии тебя.

– А как быть с вашим человеком?

– Если он жив, то выйдет с тобой на связь.

– А если нет?

– Я подготовлю все его выкладки по этому вопросу и пришлю вместе с научниками, которые пойдут с тобой. Это будут лучшие. Если кто и сможет превратить эти наброски в реальный план действий, то лишь они.

– Ясно. Сколько у меня времени на формирование команды и подготовку?

– Сутки.

– Что?! Этого мало!

– Учитывая обстановку, это еще очень щедро, капитан. Завтра в это же время будь здесь вместе со всеми, кого сумеешь собрать. Я проведу инструктаж и представлю научную часть вашей группы. А теперь выполняй!

Глава 5

Владимир. Окрестности Соборной площади

Когда я пересек мост через Клязьму, уже почти стемнело. Перемещаться по Зоне ночью – занятие не очень-то полезное для здоровья. Особенно с тех пор, как появились Провалы. С некоторых пор я начал их хорошо чувствовать, и как раз сейчас где-то по правую руку от меня не слишком близко, но и не слишком далеко зловеще пульсировала одна из этих смертоносных аномалий. Я бросил взгляд на ан-детектор, и он подтвердил, что чутье меня не обманывает – до Провала метров двести-триста, и он наверху. Следом увидел свет навигатор, в который перед походом была загружена подробная карта Владимира. Четырехполосная дорога, утопленная в ландшафт и зажатая с двух сторон достаточно крутыми склонами, значилась там как улица Муромская. На горе справа находились парк имени Пушкина и Успенский собор, а еще… памятник Святителям.

Воспоминание всплыло само собой. Один из первых моих снов-видений, может быть, даже самый первый. Очкарик-научник из АПБР сказал мне, что Провал возник как раз на месте памятника Святителям. Так, теперь я точно знаю его местонахождение. Но отсюда надо валить. Когда Провал проснется, черный дым может скатиться в «каньон» Муромской и все здесь заполнить. Тут мне и конец. Да, отсюда надо уезжать, но недалеко. Просто памятник Святителям – эта первая путевая вешка следа, который оставила в моих видениях экспедиция АПБР. А значит, именно отсюда начнутся мои поиски. Но завтра.

А пока необходимо найти убежище на ночь. Можно, конечно, и в машине переночевать, но, как мне недавно наглядно доказали истребители, они хорошо умеют выковыривать добычу из автомобилей. Плевки вожаков вполне способны разъесть лобовое стекло и ослабить его до такой степени, что достаточно легкого удара, чтобы пробить в нем дыру. Вскоре я покинул «каньон», пересек под мостом Большую Московскую и остановил машину у торгового центра «Владимир». Расположенные неподалеку торговые ряды могут стать неплохим убежищем на ночь. Только сперва надо как следует разведать обстановку.

Ночь в пустом городе, к тому же оккупированном Зоной, – то еще ощущение. От него веет жутью и смертью. Живым там уж точно не место, а способов расстаться с земным существованием – вагон и маленькая тележка. И в последнее время ситуация только ухудшается. Зона никогда особо не жаловала

людей. Чего стоили хотя бы истребители, а также Измененные! Но степень ее смертоносности, если можно так выразиться, в последнее время росла по экспоненте. Опытные сталкеры или оперативники АПБР только привыкали к одним ее зловредным «фишкам», как она с неослабевающей креативностью выдавала на-гора новые. Сначала изменения происходили исподволь, едва заметные, потом все более сильные и опасные. Игры с сознанием, пространством, климатом… Зона, что называется, росла над собой, прогрессировала и к тому же расширяла свои границы. Как, почему? Откуда росли ноги этого угрожающего процесса? Откуда появлялись Провалы, кочующая аномалия, растущая пси-активность и фантомы-убийцы типа Черного Сталкера? Может, мы просто достали хозяев Зоны, кто бы они ни были? И если они вообще были. Просто обломки метеоритов, вот так воздействующие на земную среду? Как-то слабо в это верится. Скорее, тут пахнет чуждым разумом, отрабатывающим в Зонах способы уничтожения разумной жизни… Или это Зона сама так эволюционирует? Самозародившийся разум?

Держу пари, этими же вопросами задается весь научный корпус АПБР и еще куча народу в придачу. Но пока, если верить «позитиву», безуспешно – ответов на них как не было, так и нет.

Под высокой аркой главного входа в торговые ряды было еще темнее, чем на улице. Вряд ли это место в самом центре города в XXI веке вообще знало подобную темноту. Большая Московская, судя по всему, с тех пор, как стукнул миллениум, всегда ярко освещалась фонарями, разноцветными неоновыми огнями рекламы и вывесок. Тут было светло всю ночь. Но теперь, когда люди оставили это место, отсюда ушел и свет. Электростанции, снабжавшие Владимир электроэнергией, больше не работали, и ночами город оказывался во власти мрака. К сожалению, не только в прямом, но и в переносном значении. «По ночам, когда силы зла властвуют безраздельно». Так, кажется, у Конан Дойля в «Собаке Баскервилей»? Вот-вот. Очень похоже.

Я вошел в торговые ряды через вертушку. Темно, хоть глаз выколи! Пришлось включить фонарь. Не очень-то, конечно, здорово выдавать светом свое местонахождение всем, кто захочет на меня поохотиться, но бродить тут в кромешной тьме вообще не вариант. Мне почему-то вспомнилась хитовая компьютерная игрушка времен моего детства Resident Evil. По ней еще фильм сняли про зомби-апокалипсис. Так там тоже герои по мрачному разгромленному городу бродили, вздрагивая от каждого шороха, а за ними охотились толпы кровожадных тварей. Помню, играть в нее было весело. Я даже свет в комнате

выключал, чтобы эффект покруче получить. Адреналиновые ванны и все такое. Вроде даже представлял себя на месте компьютерных персонажей и думал, как было бы круто в реале крошить из автомата всю эту нечисть! Юный был и глупый… Вот он, реал. Все в наличии, весь джентльменский набор: темнота, отсутствие людей, злобные монстры… Только почему-то не весело совсем. Кстати, интересно, а многих ли еще, как и меня, привели к профессии сталкера застрявший в мозгах юношеский романтизм и жажда опасных приключений? Думаю, среди нас таких было большинство. Конечно, хватало и прожженных дельцов, гнавшихся исключительно за длинным рублем, но романтики, пожалуй, все же перевешивали… Изначально. Но уже после нескольких лет работы с Зоной всякий романтизм из нас выветривается напрочь. А из кого не выветривается, тот просто не выживает. Выживают же только циники, прагматики и параноики.

Во мне было понемногу и того, и другого, и третьего. Правда, и романтика, кажется, не совсем умерла. Потому что главная причина, по которой я здесь, – безусловно, Агнешка, а «все прогрессивное человечество» только на втором месте. Она-то ведь тоже пошла в АПБР по призванию. Только ее случай был еще более тяжелым и запущенным: Агнешка хотела спасти мир. Вот так и сошлись идеалистка с романтиком, придя в профессию, которая, быть может, вот-вот убьет их обоих. Нас обоих. Как глупо и одновременно грустно! Она вполне могла бы работать врачом или сотрудницей какого-нибудь «мирного» НИИ, а я… да хотя бы в частном охранном предприятии. И жили бы мы долго и счастливо… Ага, пока расширившаяся в очередной раз Зона не пришла бы к нам в город… Бессмысленно сейчас фантазировать на тему «что было бы, если бы». И опасно. Потому что я в данный момент в самом сердце Владимирской Зоны в пустой и темной торговой галерее, где во мраке может скрываться кто и что угодно. А моя задача – выжить, чтобы получить возможность спасти Агнешку и выполнить задание «позитива».

Я двигался медленно, стараясь ступать бесшумно. В одной руке у меня был фонарь, а в другой – пистолет. Нужно обследовать ближайший сектор торговых галерей, чтобы, во-первых, убедиться в отсутствии здесь мутантов, а во-вторых, найти надежное, закрывающееся помещение, в котором я смогу провести ночь…

Звук донесся неожиданно, заставив меня вздрогнуть. Глухой отдаленный шум, отдающийся эхом в огромной длинной галерее, словно кто-то ударился о мебель, споткнулся и упал… Вот еще звук и еще… Это почти наверняка бесчинствуют мутанты. Но они далеко, а если я заберусь, скажем… тут мой взгляд упал на

выхваченную из темноты лучом фонаря дверь в подсобное помещение… вот сюда, и забаррикадируюсь изнутри, то хрен они меня оттуда выкурят. Терпением мутанты не отличаются, это многократно проверено. Если добычу не удастся достать в течение получаса, они не станут всю ночь караулить под дверью, а скорее всего свалят в поисках другой поживы…

Но что, если они там сейчас охотятся? На человека? Да, вероятность этого не слишком велика, но имею ли я право не проверить? Циник и параноик, значит? Видимо, недостаточно. А как быть с приоритетом моего выживания? Да я ж только одним глазком. Если вдруг там Агнешка… Это вряд ли, конечно, но исключать нельзя… В самый разгар полемики с моим внутренним оппонентом произошло то, что однозначно разрешило мои сомнения, – человеческий вскрик и выстрел. Все мысли о том, чтобы не влезать в это дело, и соображения о крайней осторожности махом вымело из моей головы. Я просто побежал в направлении звуков… Еще один выстрел и звонкий удар, который обычно издает упавший на пол пистолет. Я вновь добавил ходу. Пятно от фонаря металось передо мной как бешеное, ничего толком не успевая осветить, по крайней мере настолько, чтобы мои глаза успели это увидеть, опознать и среагировать.

В конце концов произошло то, что не могло не произойти. Впереди мелькнула стремительная тень. Я вскинул фонарь, пытаясь поймать ее лучом, и не заметил лежавшей на полу опрокинутой вешалки для одежды, споткнулся об нее и растянулся во весь рост. Это меня и спасло, поскольку в тот же миг что-то бросилось на меня и промахнулось благодаря моей неловкости. Я резко повернулся на бок, и свет фонаря выхватил совсем рядом приземлившуюся на четыре лапы крысу. О, это была не просто крыса! Так мог бы выглядеть прокачанный до 80-го уровня крысоподобный монстр. Тварь имела сорок сантиметров в холке и почти метровую длину тела (без учета хвоста). Могучие задние лапы позволяли мутанту совершать невероятные прыжки, а широкая пасть была полна зубов-иголок. Прыгун – так прозвали сталкеры этот продукт смертоносного креатива Зоны. Странно, излучение Обломков почти не действовало на животных, издеваясь, как правило, над обладателями высокоразвитого разума. Но для крыс почему-то было сделано исключение. Может быть, причина в том, что люди в большинстве своем испытывают к этим голохвостым грызунам активную неприязнь, частенько перемешанную со страхом, а еще в том, что этих тварей в городах едва ли не больше, чем человеческого населения. Так что прыгуны наряду с истребителями стали настоящим бичом Зоны. Напороться в темноте на стайку этих тварей – редкостное невезение!

Упал я очень неудобно, прижав своим весом к полу руку с пистолетом, и на то, чтобы выпростать ее из-под себя, поднять оружие и выстрелить, времени уже не оставалось – монстр вновь прыгнул. И я сделал единственное, что мог в данной ситуации, – саданул его в морду фонарем. Как ни странно, попал, причем очень удачно – как раз по зубам. Тварь взвыла и отлетела назад. Тут же я почувствовал, как что-то рвануло меня за штанину. Что-то острое, потому что сразу возникла боль. Я вслепую лягнул ногой и, кажется, опять попал. А вот и второй прыгун! Явился не запылился! Но в следующую секунду мне удалось наконец высвободить руку с оружием. Произошло это удивительно вовремя, потому что первый монстр снова напал, приземлившись мне на живот. Когти не смогли пробить бронежилет, по крайней мере с первой попытки, иначе бы прыгун уже выпустил мне кишки, но если он вцепится мне в лицо… Это монстр, видимо, и собрался сделать, но я успел раньше, всадив пулю ему прямо в морду. На меня брызнула красно-коричневая зловонная жидкость – кровь мутанта. Я едва успел глаза зажмурить. Тьфу, мерзость!

И тут снова что-то больно дернуло меня за лодыжку. Что ж ты такой настырный-то?! Окорочка любишь, да? Я почти вслепую дважды выстрелил в том направлении, рискуя попасть в собственную ногу. Но мне повезло. Опять и снова. Попал я в монстра, что подтверждал его отчаянный скулеж.

Но тут же впереди вновь крикнули от боли. Только это был уже человек. Живой еще! Слава Богу, значит, не опоздал! Я рванул в ту сторону, забыв на время о своем фонаре и недобитой твари. К счастью, в следующем отсеке было хоть что-то видно: на полу лежал включенный фонарь и худо-бедно освещал происходящее. У стены, прижимаясь к ней спиной, сидел незнакомый мне темноволосый мужчина средних лет в разодранном и окровавленном камуфляже. Правая нога и левая рука его были в крови, что, очевидно, являлось заслугой еще двух прыгунов, которые наскакивали на него, а он отмахивался от них строительным уровнем, который скорее всего раздобыл прямо здесь, в магазине.

Элемент неожиданности сработал. Один из мутантов развернулся ко мне и на мгновение замер перед прыжком. Этого хватило, чтобы я успел выстрелить и попасть, но, к сожалению, не насмерть. Пулей его только ранило и отбросило в сторону, однако добивать было некогда, потому что в этот самый момент на меня прыгнул второй, которому, по всей видимости, надоело получать по морде строительным уровнем.

Надо сказать, что, несмотря на незначительные габариты, в пятнадцати килограммах веса прыгунов на мускулы приходится больше половины. Поэтому прыжковый импульс у них получается исключительно мощный. Встретить мутанта выстрелом я не успел, и когда этот живой снаряд врезался мне в грудь, то просто сбил меня с ног. Упал я с размаху навзничь, по чистой случайности ни обо что не приложившись головой, зато пистолет уронил, причем качественно: он отлетел почти на метр в сторону, и дотянуться до него не было ни малейшей возможности.

Не имей я раньше дела с прыгунами, тут бы мне и конец – тварь сидела на моей груди, имея отличную возможность либо порвать мне горло когтями, либо вцепиться в него же зубами. Я успел выбросить вперед руки и, упершись мутанту в горло, отжал его от себя, не позволяя сделать ни того, ни другого. Передние лапы монстра были существенно короче моих рук, так что до шеи моей он не дотягивался. Пока. Мутант давил, как осатанелый, употребляя всю свою массу и немалую мускульную силу, чтобы прогнуть мои руки и наконец добраться когтями до горла. Могучие шейные мускулы крысы-переростка не позволяли и мечтать о том, чтобы свернуть ему шею или задушить. Битва на выносливость – кто первый даст слабину. И я вовсе не был уверен, что это будет мой противник.

Но тут на нас упала тень, со свистом мелькнуло что-то длинное, и прыгуна буквально смело с моей груди. Мой ошалелый взгляд упал на раненого незнакомца в камуфляже, который стоял надо мной со своим строительным уровнем в классической позе бейсболиста-бэттера. Удар у него получился на славу. Такой, пожалуй, мог бы отправить в нокаут и человека среднего телосложения, но прыгун оправился удивительно быстро. Слишком быстро, чтобы у меня была возможность добраться до пистолета. Но я успел выхватить нож и выбросить вперед вооруженную им руку. Этого хватило – у слегка все же оглушенного ударом мутанта прыжок не дотянул до нужных кондиций по силе и скорости. В результате он просто наделся на острие.

Я отбросил тело монстра вместе с ножом, предоставляя ему корчиться в агонии. Времени не было – в темной части помещения что-то шевелилось. Очевидно, это был недобитый прыгун. Но теперь я уже смог завладеть своим пистолетом и подняться на ноги. Так и есть: мутант, у которого из бока сочилась кровь, похоже, собирал силы для прыжка. И прыжок состоялся бы, дай я ему достаточно времени. Но в мои планы это не входило, так что двумя выстрелами я ликвидировал и эту угрозу.

Однако оставался еще один недобиток – в предыдущем торговом зале, где был атакован я.

– Оставайтесь здесь!

Благодаря моему приличному стажу походов в Зону в качестве старшего группы командный тон у меня получился качественно, и незнакомец подчинился без разговоров. Вот теперь мне уже торопиться было некуда, так что двигался я очень осторожно. В конце концов, неизвестно, куда я попал тому прыгуну, который пытался поужинать моей ногой. Может, пуля его лишь слегка задела, и теперь меня поджидает практически здоровый, но сильно разозленный враг. В свете лежащего на полу моего фонаря я никого не заметил. Осторожно поднял его и стал медленно водить лучом по комнате, будучи готовым в любой момент нажать на спусковой крючок. Довольно скоро луч высветил кровавый след на полу. Он был достаточно широким, словно кто-то, изрядно раненный, пытался уползти. Это внушало оптимизм. А еще через десяток секунд я наткнулся и на самого мутанта. Он корчился под одним из прилавков, щуря от яркого света глаза (тоже оранжевые, кстати, – это что, у всех мутантов корпоративный цвет такой?) и пытаясь перемещаться, подтягиваясь на передних лапах, поскольку задние безжизненно волочились за ним. Похоже, одна из моих пуль перебила твари позвоночник. При виде меня он оскалился и зашипел, силясь выглядеть грозным, но на меня эта демонстрация не произвела ни малейшего впечатления, так что, обрывая его жизнь, я обошелся одним выстрелом.

Когда я вернулся к незнакомцу, он спешно перевязывал свои раны с помощью бинта и антисептика из походной аптечки.

– Помочь? – спросил я.

– Если не сложно, – с перевязкой левой руки у него явно были проблемы.

Когда я ею занялся, он тихо произнес:

– Спасибо, вы мне жизнь спасли. Думал, все, крышка.

– Да уж, – я криво усмехнулся. – Четыре прыгуна – не хухры-мухры! Чудо, что вы еще живы.

– Это точно. Опоздай вы хоть на пару минут, и… Меня, кстати, Алексей зовут. Крымов.

– Очень приятно, – «расшаркался» я. – Вы из АПБР?

– Откуда вы… – Он выглядел изумленным.

Я хотел было пошутить насчет дедуктивного метода, но это желание пропало, едва появившись, – во мне волной поднималась странная тревога, источник которой пока оставался для меня загадкой. Так что я ограничился коротким:

– Часики ваши.

– Ах, это… – На его губах появилась слабая улыбка. – Да уж, верный опознавательный знак. Научный корпус АПБР. А вы?

– Олег. Катаев. – Я протянул руку, и он крепко пожал ее. – Сталкер. На вольных хлебах. Пойдемте. Запремся в какой-нибудь подсобке, чтобы можно было поспать. Как-то не хочется стать ужином для очередной банды прыгунов или истребителей.

Он, морщась от боли, поднялся на ноги.

– Вот мутантов в эту ночь точно можно не опасаться.

– Вы уверены?

– На все сто. Инстинкт самосохранения у них присутствует, так что сюда они не сунутся.

– Почему?

– Здесь неподалеку Провал. И он уже пробудился. Пока этап выброса, но он уже заканчивается. А потом… В общем, у нас проблемы посерьезнее мутантов. И насчет поспать в эту ночь я тоже сильно сомневаюсь.

* * *

– Выключите фонарь. Так глаза быстрее привыкнут к темноте, и мы сможем увидеть…

– Увидеть что? – спросил я, однако послушно щелкнул кнопкой, погрузив помещение в темноту.

– Пятна.

– Что?!

– То, что придет из Провала. Скоро они уже будут здесь. Они тянутся к живым.

– Тогда, может быть, лучше свалить отсюда, пока не поздно? У торгового центра «Владимир» стоит моя машина. Мы можем…

– Не можем. С бегством мы уже опоздали. А здесь толстые каменные стены хоть как-то блокируют их чутье. Может быть, удастся отсидеться, хотя, если честно, я в это не очень верю.

– Замечательно! – Я в сердцах стукнул кулаком по подоконнику. – Просто прекрасно! Если вы все это знали, какого черта остались на ночь так близко от Провала?!

– Я сюда зашел кое за чем. А уйти мне помешали прыгуны. Они долго гоняли меня по торговым рядам. Если б не эти чертовы твари, я бы, может, уже Клязьму перешел!

– Понятно… – медленно произнес я. – Хотите сбежать из города?

– А вы бы на моем месте не хотели? – вскинулся научник. – Это, знаете ли, не лучшее место на земле, если только вы не одержимы тягой к суициду.

Я немного помолчал, а когда заговорил вновь, тон мой стал заметно суше и холоднее:

– Эти рассуждения годятся для осторожного и здравомыслящего человека. Обычного обывателя, не имеющего отношения к работе с Зоной. Но вы-то не обыватель и пришли сюда не просто так. Хотите жить? Это можно понять. Все хотят. Но как же быть с профессором Афанасьевым и Кочевницей? Это вам не турпоход, Алексей. То, что вы задумали, может быть приравнено к дезертирству.

Алексей посмотрел на меня каким-то новым взглядом, и определить его эмоциональное наполнение было затруднительно.

– Кто бы говорил о дезертирстве! – процедил он. – Только не тот, кто таскает из Зоны кровь Измененных! Как будто мало нам террористов НМП! Не вам читать мне мораль, сталкер на вольных хлебах! Если только вы не врете об этом. Для человека вне закона вы слишком осведомлены о делах АПБР. Откуда бы?

Я пожал плечами.

– В нашем мире все решают связи.

– Пожалуй… Но ваша терминология… Вы служили?

– Допустим.

– И где, позвольте поинтересоваться?

– Краснотайгинск.

– О! – Его, кажется, проняло. – Тогда вы должны меня понять. О каком дезертирстве речь? Откуда? От кого?! Профессор Афанасьев мертв. Экспедиции практически больше не существует! Что могу сделать я один в этом аду?! Доблестно умереть? А кому от этого будет польза, не подскажете?

После этих слов у меня в груди словно кусок льда вырос. Здоровый такой, с кокосовый орех. И так капитально перекрыл мне трахею, что даже вдох сделать было проблематично.

– Вы… уверены, что все погибли? – с трудом выдавил я. – Все-все? А как насчет Агнешки Томаховской?

Он тяжело вздохнул.

– Врать не буду, мертвой я ее не видел. Мы шли за Кочевницей по пятам. Аномалия играла с нами как хотела, а игры ее были жестокими. То кидала нам под ноги Провалы, то натравливала своего цепного пса… – Он сделал паузу, очевидно, ожидая вопросов, но я промолчал: про «цепного пса» кочующей аномалии мне было известно куда больше, чем он думал, поскольку речь не могла идти ни о ком другом, кроме Черного Сталкера. – А на Князь-Владимирском кладбище она решила еще и в прятки сыграть. Мы так толком и не разобрались, что именно аномалия учинила с пространством, но нас просто раскидало, и я с одним оперативником… его, кажется, Андреем звали, оказался отделен от остальных. С тех пор я не видел Агнешку, Сашу, Тима, Влада… ну и еще пару человек. Я не утверждаю, что все они погибли. Просто найти их мне не удалось. А мой единственный оставшийся спутник… вскоре погиб.

– Его убили? Кто?

– А вот как раз они, – научник кивнул головой на окно.

Я осторожно приблизился и выглянул. Глаза уже более-менее привыкли к темноте, а тут еще, как по заказу, из-за туч на небольшой клочок чистого неба выбралась луна. Не полная, растущий месяц, четвертинка примерно, но и то хлеб… Когда я увидел их, волосы зашевелились у меня на затылке. Они и впрямь выглядели как пятна, гигантские черные амебы или движущиеся куски пещерного мрака. И они действительно двигались в направлении здания торговых рядов, ставшего для нас убежищем, словно и впрямь нас чуяли.

– Что это?

– Пятна? Голодные энергетические сущности. Вампирические. Только они не кровь вытягивают, а жизненную силу. Под ноль, досуха. Но не для себя. Для Провала. Энергия нужна ему, чтобы поддерживать собственное существование. Вот он и рассылает в разные стороны своих «фуражиров».

– Они могут нас найти?

– Могут. Живую энергию Пятна чуют. Но, как я уже говорил, это старое здание, стены толстые… Это добавляет нам шансов.

– А если все же найдут? Неужели никак нельзя отбиться? Или отпугнуть их?

– Ну, есть вообще-то один способ… – Научник извлек из своей котомки непонятное устройство с раструбом. – Я тут добыл для него несколько аккумуляторов. Надеюсь, они не совсем дохлые… Это генератор ультразвуковых колебаний, иначе УЗГ, – ответил он на мой вопросительный взгляд. – Он их немного отпугивает. Проверено экспериментально. Но я бы не стал на него особо рассчитывать: аккумуляторов надолго не хватит, а как только они сядут, нам крышка. Идеальный вариант – спрятаться так, чтобы нас не нашли.

М-да, хорошо бы…

– Сколько нам нужно продержаться?

– До утра. С рассветом Провал призовет своих созданий обратно.

Зашибись! Семь чертовых часов темноты! Да за это время раз двадцать помереть можно!

Мой взгляд уловил на улице какое-то движение помимо плавного и бесшумного зловещего скольжения Пятен. Надо же! Это был одинокий истребитель. Я тронул Алексея за локоть и указал ему на мутанта. Он усмехнулся:

– Ну вот, сейчас специально для нас будет устроена демонстрация. Увидим вживую, что будет с нами, если им попадемся. Минуточку внимания – зрелище действительно занятное, хотя и жутковатое.

Но я и без того смотрел не отрываясь. Заметив опасность, истребитель резко рванул прочь. Эти мутанты умеют бегать очень быстро, и мне на секунду подумалось, что, возможно, ему удастся спастись. Не тут-то было! С Пятнами тут же произошла метаморфоза. Только что медленные и лениво-вальяжные, при виде добычи они ускорились так, что смогли бы, пожалуй, посоревноваться с гонщиком-велосипедистом. Группа из четырех Пятен настигла и окружила истребителя. Тот в панике заметался было, но решил перескочить через них. И

тут я увидел еще одну метаморфозу. Пятна выглядели плоскими, словно чернильные кляксы на листе бумаги, но когда истребитель попытался перепрыгнуть через одно из них, оно мгновенно набрало объем и прянуло в воздух, отскочив от асфальта, как резиновый мяч. Черная клякса прилепилась к боку мутанта и снова стала плоской, растекшись по его одежде и коже. В следующий момент он неловко приземлился, покачнулся на ногах и тяжело упал на бок. И взвыл. Его отчаянный вопль донесся до нас даже сквозь толстые стекла. Тут же к нему метнулись остальные Пятна, и вскоре мутанта всего будто накрыло черным покрывалом. Какое-то время там еще наблюдалось шевеление, но не прошло и минуты, как все прекратилось. Пятна расползлись, оставив на асфальте мертвого истребителя. При свете четвертинки луны мне было не очень хорошо видно, но тело его казалось форменной мумией, только без бинтов.

– М-да, впечатляет… – тихо проговорил я.

Пока мы отходили от увиденного, Пятна, покончив со случайным перекусоном, кажется, вспомнили, что обед им сервирован совсем в другом месте, и снова начали стягиваться к главному входу в торговые ряды. Вот внутрь втянулась одна из жутких клякс, вторая, третья…

– Пора прятаться, – прошептал Алексей.

Я только молча кивнул. Мы отошли от окна и двинулись в глубь здания, прочь от главного входа. Научник двигался впереди, а я за ним. Фонарь включать даже не пытался – неизвестно, на что реагируют Пятна. Может, только на тепло жизни, а может, и на свет тоже. Незачем приводить в действие лишний фактор риска. Когда мы вошли в очередной торговый зал, я настиг Алексея, чтобы узнать, далеко ли он собрался идти и не пора ли остановиться, но он только прижал палец к губам. Выходит, еще и звук под запретом. Ладно, будем осторожнее. Мы шли и шли, а у меня с каждым шагом все сильнее холодел позвоночник. Ощущение надвигающейся жути было в чем-то похоже на то, что я испытывал при появлении Черного Сталкера, но все же и отличия были. В «цепном псе» аномалии чувствовался разум. Чуждый, безжалостный, агрессивный, но разум. Здесь же – только безликое и бесформенное голодное ничто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lazarev_dmitriy/virus-zony-kochevnica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить